

Фонд 387
И. С. Шмелев
Картон № 1
Ед. хран. № 6

Шмелев,
Иван Сергеевич

На скалах Валаама — путевые очерки, без конца.

[1895 конец]

Автограф с правкой. 70 лл.

Помяты и надорваны края нескольких листов.

Москва 1897

Типография Елизаветы Гербек.

Общее количество листов 70

// картон

л. 59/60 б) Автограф с правкой без конца и с пропусками
70 лл.

На скалахъ Валаама.

(Путевые очерки).

Безмолвіемъ вѣчныхъ лѣсовъ, гнетомъ сѣрыхъ скалъ, спокойнымъ блескомъ тамъ и сямъ разбросанныхъ озеръ и болотъ манилъ меня къ себѣ угрюмый сѣверъ. Его свѣтлое, холодное небо, отъ котораго вѣтъ¹ тихой грустью, безпредѣльная Ладога, группа древнихъ острововъ Валаамскихъ — все это влекло² меня къ себѣ, неотступно звало, вставало въ моемъ воображеніи, принимая неясныя, туманныя и вмѣстѣ съ³ тѣмъ, загадочно-прекрасныя очертанія. Сердце, еще только что начинавшее⁴ жить, тянуло туда, въ эту чудную, полную дикихъ красотъ страну, фантазія, молодая, какъ весна, создавала картины, громоздила неясныя представленія, заставляя невольно предчувствовать еще ни разу не испытанныя ощущенія.....

И наконецъ то я увидѣлъ все это... И теперь, когда я осеннимъ вечеромъ сижу за письменнымъ столомъ и собираюсь⁵

// л. 1

пересмотрѣть и привести въ порядокъ дорожныя впечатлѣнія, далекій и чудный Валаамъ стоитъ передъ моими очами, выдвигая одну за другой цѣлый рядъ, цѣлую вереницу своихъ величественныхъ, очаровательныхъ, поэтично-волшебныхъ красотъ... Дождь порывами стучитъ въ стекла, слышенъ шорохъ

¹ *Вместо: вѣтъ — было начато: т*

² *Вместо: влекло — было начато: ча*

³ *Далее было начато: ст*

⁴ *Вместо: начинавшее — было: начинающее*

⁵ *На полях справа запись, не относящаяся к тексту: Краск Повремен
ПО врем Повре*

воды по водосточнымъ трубамъ, сѣрое небо низко-низко тянется надъ темнымъ городомъ, — но ни этотъ надождливый дождь, ни это тусклое небо не въ силахъ задержать отъ меня безпредѣльное озеро-море, гранитные утесы, длинныя отмели, темныя лѣса на высотахъ, заглушить печальный звонъ скитскихъ колоколовъ, нѣжный рокотъ прибоя...

Черныя фигуры монаховъ, выраженіе печальной думы,⁶ застывшее на ихъ блѣдныхъ лицахъ, разнообразные типы богомольцевъ, явленія незнакомой жизни⁷ — все это перемѣшалось, слилось въ одну общую, неимѣющую ясныхъ очертаній группу, группу, тѣмъ не менѣе, выразительную... Сколько неизвѣданныхъ ощущеній, новыхъ впечатлѣній, неподдающихся выраженію мыслей!..

// л. 2.

ГЛАВА I.

Пароходъ «Петръ I», самый большой изъ плавающихъ по беспокойнымъ волнамъ Ладоги, шелъ на всѣхъ порахъ къ Шлиссельбургу, когда я подѣхалъ къ Калашниковской пристани. Возлѣ пристани, слегка покачиваемый расхолодившейся Невой, стоялъ пароходъ «Александръ», на палубѣ котораго матросы финны энергично дѣйствовали швабрами.

Опоздали... «Петръ» съ полчаса, какъ ушелъ... — сказалъ сторожъ.

— А этотъ?..

— Этотъ въ понедѣльникъ идетъ.

Сильный вѣтеръ рвалъ фуражку, и темныя волны рѣки шлепали въ бортъ парохода.

— Ишь претъ-то какъ... — замѣтилъ сторожъ. — Что только на озерѣ теперь дѣлается... и-и!! Вы на Валаамъ, што ли?

— На Валаамъ.

— Хорошее дѣло... Только покрутить васъ на озерѣ, не обойдется безъ этого... Вотъ и этотъ, теперича, — указалъ онъ на пароходъ — едва добрался... Чуть, сказываютъ, волной не захлестнуло... Ишь, моютъ

// л. 3

то его какъ... все народъ набезобразилъ съ качки то... Одного купца замертво вытащили... коньякомъ всю дорогу лечился... Молебень благодарственный за спасеніе отслужили... д-да!

Я хотѣлъ было уходить, но сторожъ сказалъ:

— Ступайте-ка подъ Смольный... Пароходикъ скоро въ Шлюшинъ (Шлиссельбургъ) пойдетъ, можетъ, догоните Петра, ежели онъ остановку сдѣлаетъ... а не догоните, «Александра» подождите.

⁶ Далее было: на ихъ

⁷ Далее была запятая.

Я рѣшилъ ѣхать въ Шлиссельбургъ. Скоро подошелъ пароходъ «Рыбка», и черезъ 4 часа я уже подѣзжалъ къ городу⁸. Масса баржъ, соймъ, барокъ... Два-три пароходика проползли мимо насъ... На лѣвомъ берегу огромная каменная масса фабричныхъ корпусовъ посылаетъ въ небо черную тучу дыма. Впереди громадный пароходъ покачивается, не двигаясь съ мѣста, — очевидно стоитъ на якорѣ... Мы плывемъ мимо. «Петръ I» — читаю я у него на носу. Обширная палуба густо покрыта народомъ, — точно стая птицъ перелетныхъ опустилась на отдыхъ передъ долгой дорогой...

Вотъ и пристань. Два оборванца предлагаютъ донести багажъ до гостиницы.

// л. 4

— По какому случаю «Петръ» бросилъ якорь? — спрашиваю я у нихъ.

— Озеро не въ порядкѣ... по омнаковенію выпираетъ... Ну «Петръ» и сталъ, чтобы богомольцевъ въ сумлѣніе не вводитъ... Капитанъ говоритъ теперича: къ чему мнѣ, грить, людей пужать, ежели они Богу молиться ѣдутъ... ну и присталь...

— А ты съ имъ разговариваль, поди?? — язвительно вставляетъ словечко фигура въ костюмѣ мельника изъ «Русалки». Рожа у фигуры налитая, сине-багровая, и глаза алчутъ и жаждутъ.

— А то што жъ... А по какому случаю мнѣ съ имъ нельзя разговаривать, когда я самъ въ капитанахъ на баржѣ ходилъ? — отрѣзалъ «капитанъ» и рванулся къ моему чемодану.

— Дозвольте донесу... недалечко-съ...

Но я хотѣлъ попасть на пароходъ, который стоялъ въ четверти версты отъ пристани.

— На пароходъ не надоть ли кому? — крикнулъ со стороны грубый голосъ.

Я глянулъ на рѣку. Въ небольшой лодкѣ стоялъ матросъ и видимо старался соблюсти равновѣсіе: лодка

// л. 5.

такъ и ходила подъ нимъ, раскачиваемая неспокойной рѣкой.

Моя спутница нерѣшительно остановилась: волненіе рѣки пугало её. Это не ускользнуло отъ фигуры съ багровымъ лицомъ и «капитана». Ихъ лица выразили надежду и насторожились.

— Да!! гм... гм... нехорошо... — протянулъ «капитанъ».

— Что «нехорошо»...? — вопросительно посмотрѣлъ я на него.

— Т. е., оно конечно... только что касательно ихъ-съ... потому они въ нервахъ и все такое... — А тутъ ежели нащотъ волны — такъ ко дну-съ можно... да и напужаются... — изобразивъ вдумчивость и предостереженіе на своей физиономіи, проговорилъ «капитанъ».

⁸ Вместо: городу — было: Шлиссельбургу

— Вѣрное дѣло... — помогала фигура съ синимъ лицомъ: — Нева не то што, таперича, ежели къ примѣру, ручей. Зыби ежели на ей ни-и-и... волна волной... пучина... А вамъ бы въ гостиницу... сейчасъ самоварчикъ... — улещала меня сладкогласно фигура, и четыре руки протянулись къ моему багажу.

Но и на этотъ разъ ихъ благородный порывъ оказался напраснымъ.

// л. 6

Мы спустились въ лодку, оставивъ разорванными «капитана» и его товарища.

Наша лодка неслась по высокимъ волнамъ рѣки, высоко поднимаясь на гребняхъ.

— Перекувырнетъ волной-то!.. худая лодка-то! — орали съ берега оборванцы.

Пароходъ все приближался. Чорная масса на его палубѣ начинала дробиться, яснѣть... Уже можно различать отдѣльныя фигуры... Виднѣется остренькая скуфейка послушника; толстая фигура старика купца явственно выдѣляется на кормѣ. Волны бьютъ въ бортъ парохода, бѣгутъ назадъ, мѣшая нашей лодкѣ, не пускаютъ её подойти.

— Эй!.. ой! штурма-ань!!.. эй! — кричитъ матрость, задирая голову.

Любопытныя богомольцы, скучающіе уже два часа на якорѣ, вытягиваютъ головы и смотрятъ на насъ гдѣ-то высоко на палубѣ.

— Гдѣ у ево бокъ-то открывается? ой, трррапъ!!.. — оретъ матрость.

— Оттеда заходи! — кричитъ сверху хриплый голосъ.

Мы заѣзжаемъ сбоку. Въ боку парохода открывается дверка, матросы спускаютъ желѣзную лѣсенку прямо въ

// л. 7

лодку и мы вступаемъ на пароходъ.

Толпа народа... Сидятъ, лежатъ, распиваютъ чай изъ жестяныхъ чайниковъ. Неясный гомонъ стоитъ въ душномъ воздухѣ надъ этой густой массой народа. Пахнетъ жаромъ машины, смазочнымъ масломъ, гарью изъ⁹ кухни. Въ общихъ каютахъ 1-го и 2-го класса все занято. Прислужницы финнки, въ синихъ юбкахъ и красивыхъ полосатыхъ передникахъ, очень недурненькія блондинки, быстро шмыгаютъ по лѣстницамъ. Въ углу подъ образами компанія торговцевъ въ лаковыхъ сапогахъ и длинныхъ пиджакахъ съ жадностью пьетъ чай и потѣетъ.

Благообразный черненькій монашекъ, видомъ напоминающій грека, съ юркими глазками, чинно раскланивается съ монахомъ въ грубой потертой ряскѣ. Лицо у монашка изображаетъ смиреніе,¹⁰ и покорность судьбѣ:¹¹ совсѣмъ агнецъ. Даже новенькая и чистенькая ряска сидитъ на немъ особенно смирно, не тарашится въ стороны, не задѣваетъ за ноги проходящихъ... Одна ручка третью другую.

⁹Далее было: помѣщающейся около

¹⁰Далее было начато: по

¹¹Вместо двоеточия была запятая.

— Куда вы, отецъ... — заминается скуфейка и вопросительно смотритъ на скромнаго монашка.

// л. 8

— Амфилохій... поеть монашекъ.

— Какъ-сь? не дослышалъ... вопрошаетъ скуфейка.

— Амфилохій... — тонъ въ тонъ, съ отгѣнкомъ печали выпѣваетъ монашекъ.

— Куда же вы изволите ѣхать, о. Амфилохій?

— На Валаамъ... узрѣть красоту дивную, неизреченную¹²... Господу послужить... — поеть о. Амфилохій и смотритъ на пассажировъ.

— Такъ-сь... — испытующе говоритъ валаамская скуфья, какъ бы недовѣря чистенькой ряскѣ. — Только трудно у насъ, жизнь тяжолая... Труды, молитва, постъ. Подвигъ не всѣмъ-то достижимый и, можно сказать, для кого и невозможный...

Скуфья очевидно намекала на смиреннаго монашка...

Для Господа... — поеть тотъ... Кто на Аѳонѣ бывалъ и на Валаамѣ живъ будетъ... — возвышаетъ голосъ монашекъ.

Богомольцы съ благоговѣніемъ взираютъ на него.

— Много ли нужно намъ?.. лишь бы просуществовать!!

Скуфейка — искустель побѣждена: монашекъ смиреніемъ сердца покорилъ¹³ и получилъ приглашеніе на чай отъ компаніи торговцевъ.¹⁴

// л. 9

Мы поднялись въ каюту 1-го класса на кормѣ. Бархатные диванчики заняты пассажирами. Люди все почтенные, благопристойные. Старичокъ въ пуховой шляпѣ читаетъ священную книгу; пожилыхъ лѣтъ толстая барыня въ очкахъ дремлетъ, сложивъ на колѣняхъ пухлыя ручки. Толстый, заплывшій жиромъ купецъ въ засаленномъ глянцовитомъ сюртукѣ, всей своей сонной фигурой напоминающій осетра, то засыпая¹⁵ на мгновеніе, то опять просыпаясь, рассказываетъ пареньку свое первое путешествіе на Валаамъ.

— Ну-сь... такъ вотъ-сь. — Пауза, и глаза его смыкаются. — Приѣзжаемъ... Семень Иванычъ сичасъ къ капитану... — Пауза.

Молодой парень свертываетъ умасленную голову въ сторону и засматриваетъ въ мясистую физиономію купца, точно желая провидѣть — не заснулъ ли.

— Хорошо-сь... къ капита-ану... — Пауза. — Ну и жара же!!! — рывкаетъ купецъ. Дремавшая барыня вздрогнула и въ волненіи поправила очки, а молодой парень нервно въ сторону откачнулся.

— Спра-шиваетъ... Семень Иванычъ-то, тятенька то... хорошо-сь... да!! — Мо-

¹² *Вместо:* неизреченную — *было:* неизрѣченную

¹³ *Вместо:* покорилъ — *было:* одолѣлъ

¹⁴ *На полях справа запись, не относящаяся к тексту:* тяжелая

¹⁵ *Далее была запятая.*

лчаніе. — Вы, говорить, капитанъ? — почти вскрикиваетъ купецъ, — я,¹⁶ говорить... Это капитанъ то говорить... Ну съ, хоро-шо-съ... да-съ... Быть, говорить, бурѣ¹⁷ али нѣтъ?.. Это Семень Иванычъ то... потому её мой характеръ не терпитъ... затрясетъ... — Пауза и даже легкой храпъ.

— Ну-съ... такъ вотъ-съ... дда-съ...

Купецъ забываетъ, о чемъ и говорилъ.

— Чайку бы... а?! — рявкаетъ онъ, и опять барыня вздрагиваетъ¹⁸, зѣваетъ и крестить ротъ.

Мы прошли на палубу. Здѣсь народъ попроще, помелче... Съ кѣмъ ни заговоришь о Валаамѣ, — для всѣхъ онъ точно родное что-то, давнымъ давно знакомое.

— Изощрается народъ нонеча... и-ихъ какъ! — говоритъ низенькаго роста мужчина въ кожаной курткѣ, приказчикъ по виду. — Монашекъ такъ себѣ... и не мудрящій вовсе, а ты посмотри ему въ нутро и обрѣтешь сокровищницу... Всѣ они тамъ съ гвоздемъ... Одинъ тамъ, сказываютъ, машину изобрѣлъ хлѣбы мѣсить... да!.. замѣсто весла... штука?

— Какъ же это такъ? — говоритъ одинъ изъ слушателей. — А я было потрудиться монастырю ѣхаль, хлѣбы помѣсит!... авось, думаю, Господь мои труды взыщеть...

— Взыщеть, взыщеть, братъ!.. тамъ теперь на каждомъ мѣстѣ машина... Шагнулъ шагъ — машина, шагнулъ другой — опять машина... Сливочное масло теперь... налилъ въ бутылочку и тряси... у насъ-то...

— Да!? — вопросительно говоритъ одинъ изъ слушателей.

— А у нихъ — машина!

— М-машина?? — вскрикиваетъ кто то.

— Разумѣется... Лѣсъ, теперича взять... пилить ежели... — положилъ дерево, ну машина и пилить??... а тамъ, братъ, не такъ...

— А какъ???

— Тамъ машина и дерево притащить, на станокъ положить, пилить его и скидаетъ замѣсто человѣка.

— Ишь ты... а? а все Богъ, все Господь умудряетъ... Монашекъ — онъ не простой человѣкъ... н-нѣтъ. Въ ёмъ, ежели сказать прямо, святости — си-ила!.. — говоритъ странникъ, незамѣтно перебравшійся съ общей палубы.

¹⁶ *Вместо:* купецъ, — я — *было:* купецъ. — Я

¹⁷ *Далее была запятая.*

¹⁸ *вздрагиваетъ вписано.*

— Умъ-то у него по мечтаніямъ не ходитъ, а все въ одну линію бьетъ, всѣ къ одному знаменателю подводитъ... — говоритъ петербургскій извозчикъ-собственникъ, имѣвшій охоту хлѣбы помѣстить. Онъ, очевидно, былъ знакомъ

// л. 12

съ знаменателемъ.

— А ты знаешь, какой такой этотъ знаменатель? какъ его звать-то?.. — загорячилась кожаная куртка.

Петербургскій извозчикъ замялся. Всѣ слушатели натсорожились.

— Ма-ши-на!!! — съ апломбомъ произнесъ рассказчикъ. — Теперича у нихъ вода на гору бѣжитъ... а отчего? какая тому причина?... — ма-ши-на!!.. Бакъ у нихъ съ водой на третьемъ этажѣ, а монашекъ стоитъ внизу и знаетъ, сколько въ баку томъ воды... вотъ же и штука... а почему??

— Машина... — уже подсказываютъ слушатели.

— То то вотъ и есть... Да это все ничего... Рыбу изъ икры дѣлаютъ!!

— Ну это братъ врешь! — нерѣшительно старается возразить питерскій извозчикъ.

— Нѣтъ не врешь... Машина!.. говорятъ тебѣ — на все у нихъ машина!..

— И живая рыба? — спрашиваетъ кто-то изъ слушателей.

— Живая... какъ ось, нстоящая... Ты то разсуди, что ежели Богъ умудритъ, такъ никакихъ предѣловъ для этого не положено... Взять теперь хлѣбъ или овощу какою... У насъ, такъ навозу на-

// л. 13

добно, чтобы сытъ въ землѣ была... такъ?.

— Извѣстное дѣло... безъ его не обойдешься...

— А у нихъ на камнѣ хлѣбъ растетъ... Земли настоящей у нихъ нѣтъ, а все больше камни подземные, а замлицы такъ чуточку, больше для видимости... и растетъ всякое произрастаніе... Вотъ что означаетъ то произволеніе... потому силу въ себѣ имѣютъ, по вѣрѣ-то оно и выходитъ...

— И чудесовъ на Валаамѣ, то-ись на каждомъ мѣстѣ... Колодцевъ этихъ понакопано — миллионъ!! — говоритъ питерскій извозчикъ, бывавшій на Валаамѣ...

— Ты говоришь понакопано? — возвысилъ голосъ торговецъ въ кожаной курткѣ. Природные самые... изъ камня вода течетъ... А ты — понакопано... Какъ же это камень-то копать? Говорятъ тебѣ — произволеніе...

— Ягоды тоже много разной тамъ, — рассказываетъ странникъ съ заплатанной кожаной сумкой на спинѣ. — Идешь по лѣсу, а подъ ногами-то крррр-крррр...¹⁹ брусника лопається... Присѣлъ было я да рвать... во-кольки нарвалъ... Слышу вдругъ позади меня какъ ахнетъ гласъ рыкающей: «Съ благословенія али безъ благословенія?..» — Ну, думаю, нагрѣтъ онъ меня по загривку, съ монашеской

¹⁹ Далее было начато: из

пищи-то... — Съ благословенія, говорю, отецъ честной! — Ну, то-то, говорить, а то у насъ безъ благословенія не моги!..

— Да, у нихъ строго... Нащотъ табаку ежели — духу не выносятъ... Сами-то не потребляютъ, имъ и чувствительно... Какъ усышать — два послушничка въ келейку — ревизія... все перевернуть... да! ну, ужъ коли найдутъ, тогда, братъ...

— Что тогда?...

— А вотъ что... первымъ долгомъ приглашеніе: не угодно ли вонь... на пароходъ... Нѣтъ ежели парохода, на своемъ пары разведутъ и на берегъ, въ Сердоболь привезутъ, тамъ и выпустятъ — ступай на всѣ четыре стороны... А до Питера верстъ пятьсотъ... вотъ и при. Хорошо теперь машина ходитъ, а вотъ когда её не было-то?...

— Да!.. Вотъ однажды случай со мной былъ замѣчательный... — сообщаетъ молодецъ въ лаковыхъ сапогахъ. —²⁰ Чуть было не упекли... Курилъ я въ тѣ поры махорку... хорошо-съ... Приѣхали мы съ дяденькой въ монастырь, келейку заняли, ну — самоварчикъ... Принесъ монашекъ самоварчикъ, поставилъ... Только посмотримъ, вытянулся въ струну и головой эдакъ все,

во всѣ стороны... Что съ имъ, думаемъ, такое случилось?...

— У васъ, говорить, нечисто...

— Какъ²¹ то-ись²² не чисто,²³ спрашиваемъ... Мы пыли съ собой не возимъ.

— Нѣтъ, говорить, не то... Вы, говорить, съ табакомъ приѣхали... вамъ, говорить, сейчасъ строгій осмотръ будетъ... А дяденька то изъ кельи выходили къ мощамъ прикладываться напередъ. Глянули на меня да и говорятъ: Ты, Андрюшка, курилъ,²⁴ а? сказывай, говорятъ, курилъ? Кайся! говорятъ... — Не курилъ, говорю, дяденька! — Врешь!²⁵ говорятъ... — Ей Богу, говорю, не вру... — Клянись, говорятъ. — Поклялся... Что ты тутъ будешь дѣлать?.. А послушникъ свое тянетъ: моя обязанность, говорить, донести по начальству.. — Я ему цѣлковый.

— На, говорю, только не тревожь начальство. Разрази меня Богъ, говорю, чтобъ, говорю, потопнуть мнѣ на озерѣ, ежели курилъ!. Не вѣрить и денегъ не беретъ. Ну, хорошо... пришли, осмотрѣли, не нашли табаку...

— Какъ же это такъ? — спрашиваетъ кто-то.

— А это, видишь ли, отъ поддѣвки моей больно ранило —²⁶ пропиталась она...

²⁰ Далее было начато: Кур

²¹ Далее была запятая.

²² Далее была запятая.

²³ Вместо запятой был вопросительный знак.

²⁴ Вместо запятой был вопросительный знак.

²⁵ Вместо восклицательного знака была запятая.

²⁶ Вместо тире было многоточие.

Вечерѣло. Совсѣмъ утихъ вѣтеръ, только волны рѣки, подчиняясь вліянію
непокойнаго озера, все еще поплескивали

// л. 16

въ берега. Холодѣлъ воздухъ, и высокіе мачты и шпиги баржъ и соймъ горѣли
огнемъ, озаренные красными лучами потухавшаго солнца. Съ берега доносилась
до насъ пѣсня фабричныхъ, одинъ мотивъ только. Повременамъ прокатывался по
рѣкѣ грубый голосъ барочниковъ и закопченный шипящій «буксиръ» тянулъ
мимо насъ сѣрая, неуклюжія баржи. На блѣдномъ небѣ въ разныхъ мѣстахъ
появились бѣлыя точки звѣздъ: онѣ ждуть, скоро-ли пропадутъ на западѣ
оранжевыя полосы. На берегу мелькнулъ огонекъ: должно быть жена фабричнаго
зажгла лампочку въ своей убогой квартиркѣ. Затихла фабрика; высокая, въ небо
уходящая труба перестала выбрасывать черныя клубы дыма. На берегу, у самой
рѣки еще огонекъ блеснулъ и отразился въ водѣ...

Возлѣ нашего парохода стоитъ на якорѣ пароходъ «Нева».

— Еще вчера на Свирь пошелъ да воротился... насилу-насилу изъ озера
выбрался — швыряетъ... — говоритъ кто то.

— Якорь поднимаютъ... никакъ сыматься хочеть!..

На пароходѣ воротомъ вытаскивали изъ воды тяжелый якорь. Видно, какъ
звенья цѣпи медленно пропадають въ темномъ отверстіи борта... Свистокъ.²⁷

// л. 17

— Счастливаго пути! — крикнулъ кто-то съ нашего парохода.

Съ «Невы» замахали картузами. Длинный, невысокій пароходъ круто
повернулъ и медленно двинулся въ озеро.

— Покачаетъ его знатно! — говоритъ кожаная куртка. — Ну, а мы, должно, до
утра стоимъ.

Стало снѣжно. Смолой обдавало отъ стоявшихъ около баржъ и соймъ. На
отдаленной баржѣ, на самомъ шпигѣ затрепеталъ зеленый огонекъ — сигналъ, а
высоко надъ нимъ уже горѣли звѣзды. На пароходѣ тишина невозмутимая, хотя на
немъ около пятисотъ человѣкъ.

— «Свѣте тихій²⁸ святая славы» — запѣли на палубѣ 3го класса. Тихіе звуки
молитвы потекли по рѣкѣ, смѣшались съ тишиной августовской ночи.

— «Помилуй мя Бо-же, поми-и-луй мя» — стоятъ²⁹ въ воздухѣ печальныя ноты
постнаго напѣва.

Мы спустились въ каюту. Когда я сталъ засыпать, лежа головой къ борту, волны
рѣки изрѣдка ударяли въ желѣзную обшивку, и ихъ плескъ, проникая въ круглое
окошко надъ моей головой, усыплялъ меня.

²⁷ На полях справа запись, не относящаяся к тексту: [По времен]

²⁸ Далее была запятая.

²⁹ Вместо: стоятъ — было начато: слу

— Мадамъ?³⁰ а,³¹ ма-дамъ? Да ежели мнѣ до васъ великая на-добность... Стуль-чикъ, стуль-чикъ!.. А по какому случаю вы не желаете меня пускать къ себѣ? а?..

// л. 18

Р-разъ у меня въ гостяхъ двѣ барышни и коньякъ... и ежели желательно, можно и легонькое — м-матерцы... Ком... ком... Стуль-чикъ... стуль-чикъ... — разбудилъ меня пьяный голосъ. **МАРГИНАЛИЯ**

Пьяный купчикъ ломился въ дверь каюты, гдѣ спала хозяйка буфета, молодая финнка. На крики пьянаго отвѣта не было.

— Барышня!.. блондиночка!.. Я васъ съ собой въ Россію могу взять, ей-ей... Да ежели когда вы поѣдете на моемъ... ппаррраходѣ... то съ большимъ удовольствіемъ...

Стукъ въ дверь сапогомъ...

— Я штурмана зову сейчасъ — слышится голосъ финнки.

— Ш-штур-мана?? ого!! — рычитъ купчикъ. — А плевать мнѣ на твоего ш-штурмана... Свинья!! вотъ што... свинья-я!.. д-да! и штурманъ твой свинья чухонская... прямо тебѣ говорю!

— Ишь его канителится, мерзавецъ... — слышится басистый голосъ за стѣной каюты, гдѣ остановились два пожилыхъ лѣтъ купца. — Радъ радехонекъ, что на волю урвался — вотъ и куражится...³²

— Да и монашка³³ чорненькаго подпоилъ — на ногахъ не стоитъ, съ Аѳону-то... — говоритъ другой голосъ.

— Охъ, Господи, очисти насъ грѣшныхъ... — ба-³⁴

// л. 19

силь первый голосъ... Съ Аѳона, — а поди ты!.. Все затихаетъ... Пьяный купчикъ оралъ гдѣ-то далеко; слышались визгливыя нотки женскаго смѣха... Плескъ рѣки опять усыпилъ меня.

Стукъ машины разбудилъ меня... Я приподнялся и посмотрѣлъ въ кругленькое окошко. Мимо насъ плыли баржи съ поблѣднѣвшими зелеными огоньками на реяхъ, бѣжали берега, погруженное въ сонъ селенье съ бѣлой невысокой колокольней, бѣдной церковкой, съ сѣрыми невеселыми избами, оконца которыхъ ярко блестѣли, отражая наступавшее утро... Дальше и дальше бѣжить отъ насъ убогое селенье... На берегу потухающій костеръ борется съ могучимъ солнцемъ, вспыхиваетъ, посылая по вѣтру бѣлыя полосы дыма... И костеръ убѣжалъ. Длинная полоса кустовъ надъ сонной рѣкой... Вдрагивающіе звуки свирѣли звенять въ сторонѣ, щелканье кнута слышится... Опять огонекъ на берегу жалкій,

³⁰ Вопросительный знак вписан.

³¹ Вместо запятой был вопросительный знак.

³² Далее было начато: Да и мол

³³ Далее было начато: пе

³⁴ На полях справа запись, не относящаяся к тексту: Груздевъ

желтый, как³⁵ умирающая³⁶ звезда на утреннемъ небѣ... Все дальше отступаютъ берега, уносятъ отъ глазъ мирныя картины утра, кутаются въ водяныхъ парахъ, сливаются въ одну голубоватую линію. Золотомъ окрашенные, сильнѣе плещаютъ волны въ бортъ парохода, бросають въ глаза первые лучи солнца. Островъ гранитный бѣжитъ мимо... На немъ каменныя высокія

// л. 20

стѣны, за стѣнами шпиць торчитъ, сверкаетъ золотой крестъ церкви... Безмолвно, точно погруженныя³⁷ въ сонъ, стоятъ возлѣ своихъ полосатыхъ будокъ неподвижныя фигуры часовыхъ, сторожатъ неприступныя стѣны, смотря на бѣгущія волны, на удаляющіеся пароходы, на плывущіе въ небѣ далекомъ облака...

Шлиссельбургская крѣпость отступаетъ назадъ, меньше и меньше становятся ея высокія стѣны.

Опять слышу я, какъ плѣпають волны, прямо на носъ бѣгутъ, обдавая прозрачной розовой пѣной.

Передъ нами широкая Ладога, безграничная, ровная дорога... Тоскливо-вопросительно гляжу я на бѣгущія волны, и³⁸ эти волны, такъ похожія одна на другую, ничего не говорятъ собой, не выказываютъ ни одной веселой мысли, ни одного свѣтлаго представленія... Тайну носятъ въ себѣ эти то спокойныя, синія, какъ ночное небо, то покрытыя пѣной, черныя волны... Тоскливо слѣдишь за ними, и невольно печальный зовъ поднимается въ сердцѣ: — куда вы,³⁹ вѣчныя волны? Что означаетъ вашъ бѣгъ?...

Начинало покачивать... Что-то звякнуло надъ моей головой: висячій подсвѣчникъ раскачивается на шарнирахъ... Хлопнула дверь въ корридоръ, что-то скрипнуло⁴⁰... Надоѣдливо, ровнымъ тактомъ стучитъ машина,

// л. 21

волны бьютъ въ пароходъ, покачиваютъ его на своихъ эластичныхъ гребняхъ. Что то будто подняло меня и бросило вмѣстѣ съ каютой, съ койкой, съ звенящимъ надъ головой подсвѣчникомъ, съ лучомъ солнца, проскользнувшимъ въ круглое окошко сквозь зеленую шторку.... Я лечу куда-то... Такъ иногда бываетъ во время перваго сна въ дѣтствѣ... Потомъ опять подняло и бросило... Нѣга забытья охватываетъ меня... А! я понимаю, что это такое:... это морская болѣзнь, которую я еще не зналъ. Ужасное чувство!.. Шея моя ослабѣла, точно кто то ее перерѣзалъ, ноги и руки похолодѣли, чувствую страшное жженіе, раздраженіе мозжечка: тошноту... Та-та-та-та-та-та-та — стучитъ надоѣдливая машина, бѣгутъ подо

³⁵ Далее было начато: захо

³⁶ Далее было: ее

³⁷ Вместо: погруженные — было: погруженные

³⁸ Далее было: и

³⁹ Далее было начато: черны

⁴⁰ Вместо: стукнуло — было: скрипнуло

мною волны, бросают меня, мучают нестерпимо, а ужасное чувство онѣмѣнія добирается до моего сердца... Мучительные, тяжелые часы. Я все-таки слышу, какъ надъ моей головой кого то протащили по палубѣ...

— Ли-имонь!! — доносится отчаянный голосъ изъ дальней каюты, и я узнаю голосъ купчика.

— Потрепить теперича! —⁴¹ говоритъ басомъ старикъ купецъ въ сосѣдней каютѣ. — Завсегда говорятъ, съ грѣшными людьми такъ то... Валаамъ то не трактиръ... Чайку бы? —

Слышу я какъ купцы вышли изъ каюты и держась за стѣнки,⁴² идутъ на палу-

// л. 22

бу, отчитывая пьянаго купчика... И я ужасно завидую этимъ людямъ... Тянутся долгіе часы... Солнце ярко свѣтитъ въ окошко каюты... Гремятъ двери, плескается вода за бортомъ и на стѣнѣ, въ графинѣ, отбиваетъ надоѣдливый тактъ машина, стучать каблуки вверху, на палубѣ. Смотрю на часы: 11 утра...

Смотрю на часы: 11 утра...

— Коневецъ видать!! — кричитъ кто-то на палубѣ.

Что-то задрожало во мнѣ... Пахнуло избавленіемъ отъ тяжелой муки, чѣмъ-то далекимъ, къ чему я стремился, что желалъ увидѣть... Я не видалъ далекой Россіи, а она теперь тутъ, за бортомъ парохода, и я её увижу сейчасъ, скоро... Увижу не мертвой, какъ географическая карта, а такой, какая она есть, освѣщенная солнцемъ, прекрасная, чудная въ своемъ бытіи...

ГЛАВА II.

Пароходъ подошелъ къ искусственной, въ озеро выдающейся пристани, подошелъ на столько близко, что даже ударился о бревенчатую обшивку. Поспѣшно бѣгутъ богомольцы къ монастырю въ гору,⁴³ аллеей развѣсистыхъ березъ. На приста-

// л. 23

ни часовенка, а подлѣ нея высокій, худой⁴⁴ старикъ монахъ, сложивъ на груди руки, смотритъ холодными, строгими глазами на вереницу бѣгущихъ мимо него людей. Ни удивленія, ни вопроса въ его холодномъ взорѣ⁴⁵, точно статуей поставленъ онъ здѣсь, можетъ быть, много лѣтъ назадъ; сталъ, насмотрѣлся и замеръ душою; глаза устали смотрѣть на волнующееся озеро, на туманную линію лѣсовъ финскихъ⁴⁶, на вѣчную вереницу суетливыхъ богомольцевъ. Вѣтеръ съ озера дуетъ въ его худое, подвигами истомленное лицо, развѣваетъ полы его пожелтѣвшей ряски, а старикъ стоитъ на своемъ посту у часовни и смотритъ...

⁴¹ *Далее было начато:* слыши

⁴² *Вместо запятой было:* каютъ

⁴³ *Далее было:* дороги

⁴⁴ *Далее было начато:* м

⁴⁵ *Вместо:* холодномъ взорѣ — *было:* холодныхъ взорахъ

⁴⁶ *Вместо:* финскихъ — *было:* финнскихъ

Пароходъ стоитъ только часъ. Богомольцы спѣшаютъ поклониться мощамъ преп. Арсенія, осмотрѣть наспѣхъ кое что, а потомъ опять на пароходъ, къ древней святынѣ, къ чудному Валааму.

На пристани монахъ съ повозкой. Сильная лошадь духомъ несетъ насъ въ гору, аллеей, обгоняя суетливую цѣпь богомольцевъ. Вправо пятиглавый соборъ, закрытый старыми березами. Влѣво, на горкѣ, двухъэтажное зданіе гостиницы... На порогъ встрѣчаетъ насъ толстый сѣдой монахъ. На его лицѣ добродушная улыбка.

// л. 24

Слѣдуетъ опросъ...

— Вы кто такіе будете? — спрашиваетъ онъ, глядя на мое студенческое платье: — на службѣ гдѣ?

— Нѣтъ, учусь еще!..

— А!! — тянетъ онъ и смотритъ на мою спутницу. — А они кто же вамъ будутъ?.. сестрица?..

— Нѣтъ, это моя жена!..

Гостинникъ улыбается дѣтской улыбкой, точно что-то пріятное вспомнилъ,⁴⁷ можетъ быть⁴⁸ далекую молодость, можетъ быть давно пережитое, забытое поднялось въ его сердцѣ, закрытомъ для свѣтлыхъ картинъ суетнаго міра...

Привѣтливо кивнулъ головой, повелъ онъ насъ длиннымъ корридормъ.

— Вотъ и келейка вамъ... сейчасъ и обѣдъ принесутъ.

Келейка представляла собой комнатку шаговъ 10 длиной и⁴⁹ три шириной... Выбѣленные⁵⁰ стѣны съ черными точками прилипшихъ мухъ были украшены гравюрой съ видомъ какихъ то развалинъ и маленькимъ зеркальцемъ на подобіе тѣхъ, что употребляютъ въ смѣхотворныхъ кабинетахъ. Березка протягивала свои вѣтки въ раскрытое окно, а сквозь ея вѣтви виднѣлась освѣ-

// л. 25

щенная поверхность волнующагося озера, верхушка часовни, концы рей на монастырскомъ галіотѣ, уходящая въ озеро песчаная коса, поросшая лѣсомъ.

Влѣво зеленая глава собора съ потемнѣвшими отъ непогодъ крестами. Соборъ не поражаетъ величіемъ, не ослѣпляетъ богатствомъ золота, разнообразіемъ красокъ, изяществомъ архитектуры: онъ вполне соответствуетъ суровой природѣ небольшого островка, печальной, однообразной жизни его обитателей. День за днемъ раздаются съ жолтенькой колокольни печальныя ноты монастырскаго благовѣста и, послушные имъ, бредутъ монахи въ церковь на очередную молитву,

⁴⁷ Далее было начато: то

⁴⁸ Далее было: про

⁴⁹ Далее было: въ

⁵⁰ Место: Выбѣленные — было: Выбѣленные

и такъ постоянно, цѣлую жизнь, безъ просвѣта, безъ грезъ, безъ желаній... Вѣчная дума о смерти.

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа...

— Аминь!..

Монашекъ — подростокъ вносить обѣдъ. Все постное: капуста, посыпанная тминомъ, похлебка, каша.

— А яицъ или молока можно достать? — спрашиваю я монашка.

— Надо благословляться къ о. игумену итти, а они нонѣ службу правятъ — устали... — сказалъ онъ... — Вотъ завтра чухны съ берега приѣдутъ — достанете... Вотъ на Валаамъ приѣдете, тамъ не дадутъ... тамъ стро-

// л. 26

го... А у насъ разрѣшаютъ, ежели богомольцы попросятъ...

Съ непривычки было очень трудно пользоваться монастырской пищей, но приходилось подчиняться монастырскому уставу...

Вечеромъ мы пошли бродить по острову. Сейчаѣс же за гостинницей начинается лѣсъ... Тишина обступила насъ, тишина внизу, подъ темными шапками красныхъ сосенъ, покрытыхъ мохомъ.

Вверху, гдѣ длинные⁵¹ сучья сосенъ затянули темно-зеленый хвоей свѣтлое небо, гдѣ граціозныя бѣлки, роняя на насъ сухія шишки, стоялъ тихій, немолчный шумъ, вѣчный шумъ и звонъ хвои, точно не лѣсъ то шумитъ, а море, со всѣхъ сторонъ обступившее этотъ небольшой уголокъ зеленого царства. Подъ ногами брусника закрыла всю почву. Прямо передъ нами валъ.⁵² Онъ тянется вправо и влево по острову, теряется за красными стволами сосенъ... Выходимъ,⁵³ — и вдругъ, точно въ сказкѣ, лѣсъ пропадаетъ, новый шумъ заглушаетъ тихій звонъ хвои... Передъ нами необъятность, величіе, необозримый просторъ безбрежнаго моря... Оно внизу, у нашихъ ногъ... Валъ, на которомъ стоимъ мы — работа этого моря...

// л. 27

Бури нагромоздили эту насыпь, защитили лѣсъ отъ разрушительной силы могучихъ валовъ. Волны нанесли песку и круглыхъ камней, волны создали островъ, и этотъ старый лѣсъ, чтò⁵⁴ позади звенитъ темно-зелеными иглами, растетъ на сыпучихъ пескахъ, обвиваетъ корнями круглые камни...

Море бѣжитъ на насъ, волна за волной ударяютъ въ сыпучіе берега, ломаясь на своихъ шипящихъ гребняхъ... Впереди не видно ни островка, ни паруса, ни птицы... Видны гребни волнъ, выскакивающіе въ разныхъ мѣстахъ бѣленькіе барашки, предвѣстники бури, туманность на горизонтѣ — вода-ли, берегъ ли

⁵¹ *Вместо: длинные — было: длинныя*

⁵² *Вместо точки было двоеточие.*

⁵³ *Далее было: на валъ*

⁵⁴ *Далее было: шумитъ*

финскій, закрытый закипающимъ моремъ, или то — небо, затянутое бѣлыми полосами надвигающихся облаковъ...

Вѣтеръ бьетъ въ лицо, свиститъ позади, прорываясь вершинами соснового лѣса... Мы спустились съ вала, и⁵⁵ озеро точно вдругъ провалилось куда-то, и опять тихій звонъ хвои залепеталъ надъ нашими головами, и тишина земли явилась на смѣну вѣчному шуму моря... Теперь только понялъ я, что такое море, его вѣчный шумъ, жизнь въ себѣ носящій, понялъ, что такое природа... Да! море дышитъ, море живетъ

// л. 28

море шумитъ, море поетъ пѣсню, ласкаетъ слухъ, говоритъ съ вами, а вамъ остается только понять, что же поетъ оно, о чемъ говоритъ... Оно поетъ о тайнѣ природы, которую долженъ познать человѣкъ, потому что оно, море, было свидѣтель всего бытія; оно говоритъ о вѣчной жизни природы, такой же вѣчной, какъ и его сѣдые валы, оно шумитъ, и въ шумѣ этомъ слышится грустная нота, вѣковая борьба, вѣковой вызовъ природы, брошенный людямъ...

Часто въ лѣсу попадались намъ круглые камни, покрытые мохомъ; на нихъ краснѣла крупными ягодами брусника. Изъ далекой Финляндіи льды занесли эти камни и бросили здѣсь... Гдѣ теперь такъ пышно разросся бархатный мохъ и краснѣетъ брусника, гдѣ высокій лѣсъ звенитъ хвоей, шумѣли могучія волны... Много вѣковъ прошло... Отхлынули воды, островъ поднялся изъ водъ, и эти сѣрые, молчаливые, поросшіе мохомъ камни рассказали уму человѣка сказку о томъ, что было когда-то, давнымъ-давно...

Въ монастырѣ зазвонили ко всенощной. Мы пошли изъ лѣсу... Возлѣ монастырскихъ построекъ я увидалъ блуждающаго старика — монаха. Онъ два раза оглянулся на насъ и

// л. 29

торопливо пошелъ, точно боялся, что мы заговоримъ съ нимъ, разспросимъ печальную повѣсть его души. Видимо, одичалъ человѣкъ... Суровая природа и тяжкая атмосфера монастырской жизни поглотила свойства человѣческаго духа. И мнѣ стало жаль⁵⁶ человѣка, который притаился въ немъ подъ монашеской ряской, стало жаль человѣческое сердце... Проходя скотнымъ дворомъ, я увидалъ толпу пестро одѣтыхъ бабъ — корелокъ. Это наемныя работницы монастырскія. На ихъ обязанности лежитъ работа по огороду и фермѣ. Меня поразило такое близкое сожителство бабъ и монаховъ.

На сосѣднемъ лужку паслось стадо коровъ головъ въ 60. Пастухи — не монахи, а опять таки наемные рабочіе — корелы... Удивительная вещь: монастырь небогатый, а между тѣмъ находить возможнымъ платить жалованье рабочимъ, располагая даровыми силами 200 слишкомъ человѣкъ братіи... Я осмотрѣлъ

⁵⁵ *Далее было:* опять

⁵⁶ *Далее было:* въ

ферму, немногочисленные хозяйственные постройки, старался взглянуть в рабочую жизнь монахов, но не заметил и тени той кипучей деятельности, которою поразил меня Валаамъ... Мнѣ страннымъ казалось, какъ это 200 человекъ слишкомъ не могутъ одни управляться съ своимъ ничтожнымъ хозяйствомъ.

// л. 30

— Строгости въ ихъ нѣтъ никакой... — говорили мнѣ на Валаамѣ. — Тамъ и кури, и, что хошь, твори! —

Но этого творенія «чего хошь» я не заметилъ. Все было чинно и по виду благопристойно....

У монастырскихъ воротъ подъ развѣсистыми березками толпятся послушники. Нѣкоторые изъ нихъ въ чистенькихъ, довольно щегольскихъ рясахъ, точь-въ-точь, какъ наши столичные. Тутъ же между ними и толстогубые парни-корелы въ клѣтчатыхъ штанахъ и⁵⁷ английскихъ картузахъ съ прямыми козырьками. Центръ вниманія толпы — велосипедъ. Я поразился... Да, дѣйствительно, велосипедъ на пневматическихъ шинахъ. Велосипедъ, положительно, въ гору лѣзетъ, просто съ невыразимой быстротой распространяется. Но въ обители, да еще такой отдаленной, я не ожидалъ его встрѣтить.

Толпа восхищается машиной: корелы что-то по своему гадаютъ,⁵⁸ нажимаютъ пальцами резину, звонятъ звонкомъ, послушники даже остроты пускаютъ.

— Эй! отецъ Василій! — кричитъ послушникъ монаху-юродивому⁵⁹. — Вотъ бы тебѣ на емъ пищу въ скитъ возить... хорошо!!⁶⁰

// л. 31

Дурачокъ, широко раскрывъ ротъ, смѣется и топчется на мѣстѣ.

— На емъ и по водѣ можно! — остритъ послушникъ.

— Ой хорошо.. хорошо! — глупо смѣется юродивый, плюетъ на велосипедъ, при общемъ хохотѣ монаховъ и корель, и бѣжитъ въ соборъ.⁶¹

Въ храмѣ обращаетъ вниманіе иконостасъ, раздѣленный подъ красное дерево, съ налѣпной рѣзной позолотой, да серебряная рака съ мощами преп. Арсенія, а надъ ней рѣзной балдахинъ, задрапированный малиновымъ бархатомъ... Старинной дышутъ низкіе своды собора...⁶² Полъ изъ сосновыхъ досокъ, стѣны плохо расписаны, нѣтъ и намека на то великолѣпіе, какимъ поражаетъ Валаамскій соборъ... Вправо отъ входа прилавокъ съ монастырскимъ товаромъ: иконками, книжками, картинами.⁶³ Монахи все здоровый, коренастый народъ, съ грубыми

⁵⁷ Далее было начато: жол

⁵⁸ Далее было начато: тро

⁵⁹ монаху-юродивому вписано.

⁶⁰ Далее было: Дурачекъ Дурачокъ

⁶¹ Далее было: Мы зашли тоже прошли в

⁶² Далее было: хоть и недавно постро

⁶³ Далее было: Какъ то не вяжется эта торговля съ

чертами лица, съ затаенной энергіей въ взорѣ... Много туземцевъ... Поютъ аѳонскимъ напѣвомъ, съ выкриками, растягиваніями, нестройно... Несмотря на застрашній праздникъ Преображенія, богомольцевъ очень мало, да и тѣ, что явились⁶⁴ ко всенощной, сейчасъ уѣдутъ: они проѣздомъ съ Валаама, и пароходъ «Ладога» скоро дастъ второй свистокъ.

// л. 32

Пусто въ гостиницѣ, — только одинъ послушникъ-подростокъ сидитъ на крылечкѣ и ковыряетъ пальцемъ въ носу, — другого занятія для него пока не существуетъ.

Всенощная не отошла еще... Озеро къ ночи начинаетъ шумѣть и изъ гостиницы слышно, какъ гремятъ на берегу прибрежные камешки, какъ плещутся волны... Небо довольно чисто, только на западѣ легла длинная узкая полоса, точно тучи надвигались оттуда.

На колокольнѣ ударили. Послушникъ, ковырявшій въ носу, сорвался съ крыльца и побѣжалъ въ кухню за трапезой для богомольцевъ. Старичокъ-гостинникъ пришелъ⁶⁵ отъ всенощной и полюбопытствовалъ, какъ день провели, что осмотрѣли.

— Конечно, — сказалъ онъ, — далеко намъ до Валаама... Тамъ сила, деньги... тамъ и народу много, а у насъ небогато.

Потомъ мы разговорились о монастырскомъ хозяйствѣ, и изъ словъ монаха я заключилъ, что оно не велико.

— Овоща хватаетъ, а хлѣбъ, рыбу покупаемъ... Песокъ одинъ у насъ да лѣсъ... Что изъ его сдѣлаешь? Рыба что-то плохо ловиться стала...

— Ну, а схимонахи-то у васъ есть?

— Были! — радостно и даже съ гордостью сказалъ старецъ. — Человѣкъ пять было ихъ у насъ... а теперь нѣтъ... — съ грустью протянулъ онъ. — И

// л. 33

похвастаться нечѣмъ... а были, и какіе старцы!! — Даже причмокнулъ старикъ, говоря это.

— Вотъ схимникъ Іаковъ былъ, царство ему небесное... такъ замѣчательность одна... Самъ себѣ и смерть предсказалъ... Да и для братіи много утѣшенія было, и все такое... потому какъ схимонахъ то въ монастырѣ есть, такъ оно и для богомольца-то духорадостнѣе и все такое... А вотъ еще Виталій схимонахъ былъ, тоже старецъ замѣчательный и смерть себѣ предсказалъ... Оба года четыре какъ померли... и нѣтъ у насъ больше схимонаховъ... А ужъ одно это обители укоръ, потому намъ безъ схимонаховъ никакъ невозможно. Праздникъ придетъ, мы, бывалыча ихъ къ мощамъ для благолѣпія приставляемъ... Весь-то онъ крестами да

⁶⁴ Далее было: въ

⁶⁵ Далее было: изъ

молитвой изукрашень, кто не видалъ то его —⁶⁶ крестится на него, ну и чувствуетъ... А теперь нѣ-ѣтъ... примерли... — и гостиникъ тяжело вздохнулъ. Разговорились мы о посѣтителѣхъ, о жертвователяхъ.

— А не помните ли вы, батюшка, — пріѣзжалъ къ вамъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, одинъ писатель нашъ?..

— Какъ же... помню. — Онъ назвалъ его фамилію. — Помню... — и гостинникъ сокрушенно улыбнулся. Поругалъ онъ насъ въ книжкѣ то своей, больно поругалъ... Только ни за что...

// л. 34

— Какъ же это такъ, ни за что?

— Да такъ-таки и ни за что... задарма... вѣрно вамъ говорю!.. — возвысилъ голосъ старикъ. — Оно⁶⁷ дѣйствительно, не крѣпко было у насъ при архимандритѣ Израилѣ... ну да ужъ не такъ... это онъ для смѣху... ей-ей для смѣху, повѣрьте моей душѣ... Архимандритъ Пименъ былъ у насъ, съ Валаама... Тотъ ему даже въ возражаніе отписалъ, разъ онъ неправильность оказалъ... Да что... въ книжкѣ то все расписать можно. На то она и книжка писана, чтобы читать да смѣяться... для смѣху... Но только ужъ очень онъ нашъ монастырь обидѣлъ! — печально сказалъ гостинникъ и замолкъ.

Черезъ растворенное окно слышно, какъ шумятъ отъ⁶⁸ вѣтра вершины сосноваго лѣса, какъ плещется озеро о прибрежные камни.⁶⁹

— Вы вотъ ежели писать будете, такъ по правдѣ все... ну, какъ есть... Вотъ архимандритъ Пименъ написалъ про насъ, любо почитать... Ученый человекъ, — слышно было даже въ университетахъ обучался...

— Да, я слыхалъ о немъ...

— Ну, вотъ видите... Многого у насъ нѣтъ, а все же... Богу служимъ... Вѣрно оно, что на Валаамѣ и строже, и лучше, — да за то тамъ и силы больше, и показу больше... богомольцевъ много. А у насъ, если и есть что показать, такъ смотрѣтъ некому. На Валаамѣ бо-

// л. 35

Дрости больше, потому есть кому на нихъ подивиться, а на насъ рѣдко кто и глянуть хочетъ...

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа — раздался за дверью голосъ.

— Аминь... — сказалъ гостинникъ.

Вошелъ послушникъ.

— Благословите, батюшка, огонь зажигать.

Гостинникъ благословилъ.

⁶⁶ Вместо тире была запятая.

⁶⁷ Далее была запятая.

⁶⁸ Вместо: шумятъ отъ — было: стучать отъ

⁶⁹ Далее было: Должно-быть

— Про Валаамъ то ишь онъ, писатель-то, сколько написал! а про обитель то нашу вскользь... ничего и путнаго не нашель. Конь-камень теперь, говорить, и смотрѣть не стоитъ... Ишь ты! а? А у насъ тутъ англичане прїѣзжали, осматривали — диву давались... Опять профессоръ одинъ⁷⁰ изъ Москвы былъ, такъ даже кусочекъ съ собой захватилъ, чтобы въ музей, значить... Вотъ онъ камень-то какой... вы его видали?

— Нѣтъ еще...

— Ну, такъ завтра посмотрите... Замѣчательность... Тутъ подъ нимъ жителство нечистыхъ духовъ было...

— Да что вы?

— Ишь ты, а вы и не знали? Вотъ завтра вамъ монашекъ расскажетъ, пойдетъ съ вами... Страсть сколько нечисти было здѣсь до Преподобнаго... Только онъ всю её отдеда

// л. 36

изгналъ да за озеро, къ чухнамъ пустилъ.

— Вотъ какъ?.. интересно...

— Очень интересно. Тутъ у насъ ежели все какъ есть, съ чувствомъ осмотрѣть, много интереснаго... Ужъ на что англичане, народъ образованный, а и тѣ прїѣзжаютъ. Опять «Змѣиная гора»...

— Что же... змѣй много, что ли, на ней?

— Нѣтъ... Змѣи у насъ настоящей нѣтъ, а такъ... она кривая такая... точно змѣя вьется. Пустынники и схимники на ней въ своихъ пещеркахъ жили... святые люди...

— А теперь?

— Запустѣло мѣсто. Не тотъ нонѣ духъ... Нѣтъ никого на Змѣиной горѣ. Вотъ и схимники были и померли... а что будетъ послѣ, Господь знаетъ... Захочетъ славу Свою показать и покажетъ... Да!! — грустно сказалъ старикъ и вздохнулъ.

На соборѣ ударило 9 часовъ ровными, печальными ударами.

— Вотъ завтра посмотрите, — сказалъ, провожая меня, гостинникъ. — А коли писать захотите, такъ ужъ вы по правдѣ все, ну, что какъ есть... Аминь!..

— Да, — думалъ я, смотря изъ окна своей кельи на виднѣвшееся вправо спокойное озеро. — Были отшельники, схимники, жили въ

// л. 37

пещеркахъ на горѣ Змѣиной, подъ темными елями и густыми шапками красныхъ сосенъ, творили политвы, боролись съ браждебными представлениями плоти, получали видѣнія свыше, озарялись свѣтомъ небеснымъ... Давно это было... Новое время пришло, новымъ духомъ повѣяло, порѣдѣли лѣса, лучи солнца проникли въ дебри⁷¹ и стали, одна за другой гнить и рушиться отшельническія

⁷⁰ Далее было начато: Из

⁷¹ Далее была запятая.

кущи, обсыпаться пещеры, и суровыя обитатели ихъ стали исчезать съ лица земли... — «Что то будетъ послѣ — Господь знаетъ» — вспомнилъ я слова⁷² монаха. Неужели же онъ надѣется, что послѣ Господь опять захочетъ показать свою славу, и опять должны появляться изъ-подъ земли отшельническія кущи. Онъ вѣритъ, что обитель его еще увидитъ славу свою... А какая же можетъ быть слава, разъ не будетъ отшельниковъ, схимниковъ, прозорливцевъ, не будетъ ихъ пещеръ и келій, ихъ гробовъ, не будетъ той священной внѣшности, которая составляетъ славу иноковъ и которой⁷³ дрожить всякая обитель?

ГЛАВА Ш.

— А вы что думаете... — говорилъ мнѣ старичокъ-⁷⁴послу-

// л. 38

шникъ, когда мы на другой день шли осматривать «Конь-камень», — наша-то обитель видимо на себѣ благодать Божию носить... Сколько её разъ шведъ раззорялъ, и все она недвижимо стоитъ... Вы что на это скажете? Я, разумѣется, ничего на это сказать не могъ... Лѣсъ рѣдкій, деревья не⁷⁵ поражаютъ своей древностью и высотой.

— Тутъ при Елизаветѣ Петровнѣ пожаръ былъ, весь лѣсъ погорѣлъ... А вотъ до пожара, сказываютъ, былъ лѣсъ...

Мы идемъ лѣсомъ. Вправо валъ, за валомъ шумитъ Ладога... Камни, поросшіе⁷⁶ мохомъ по сторонамъ дороги... Тутъ подъ нимъ жительство силы нечистой было. Только её пр. Арс. всего отсюда выгналъ...⁷⁷

— Вотъ онъ, «Конь-то камень»... — сказалъ монахъ.

Темныя ели обступили поляну... На ней гранитная масса, точно гигантскій хребетъ ушедшаго въ землю животнаго...

Передъ нами лежалъ «Конь-камень». Аршинъ 12 длиной... На двухсаженную его высоту всползала деревянная лѣстница... На вершинѣ его часовня. Грандіозная гранитная масса, памятникъ сѣдой древности, могучей силой заброшенный на песочный островъ. Я глядѣлъ на⁷⁸ гранитную глыбу, и въ чуткомъ воображеніи вставали картины минувшихъ лѣтъ, поэтичныя, грандіозныя, сказочныя...

Чѣмъ могли объяснить появленіе этой массы

// л. 39

⁷² Далее было начато: смо

⁷³ Далее было: такъ

⁷⁴ старичокъ- вписано.

⁷⁵ Далее было начато: р

⁷⁶ Вместо: поросшіе — было: поросшія

⁷⁷ Тутъ подъ нимъ жительство [духа] /силы/ нечистой было. Только её пр. Арс. Всего отсюда выгналъ... вписано.

⁷⁸ Далее было: него

среди дремучаго лѣса на песчаномъ островѣ дикіе финны? Ихъ дѣтская фантазія могла составить только болѣе или менѣе поэтическое измышленіе... Въ природѣ они видѣли олицетвореніе бога, разныхъ боговъ, добрыхъ и злыхъ... Несомнѣнно, что и эту скалу принесъ въ темный лѣсъ какой-нибудь богъ... Какой же? Грозный или милостивый? Обстановка говорила о первомъ... Дѣйствительно: кругомъ мрачный лѣсъ⁷⁹ угрюмо звенѣлъ своими вершинами, море вѣчно шумѣло надъ нимъ... Не безъ причины же явилась въ дебри лѣсныя эта скала. Несомнѣнно, нѣкая сила, грозный богъ устроилъ себѣ жилище...

Но на этомъ островѣ, среди дремучаго лѣса не было хищныхъ звѣрей, которые населяли лѣса финскіе, наводя страхъ на жителей. И преданіе говоритъ, что корелы и финны держали на островѣ скотъ, который могъ безпрепятственно блуждать по пустыннымъ мѣстамъ, отыскивая себѣ кормъ по лѣснымъ полянамъ... Но въ дѣтскихъ умахъ дикарей вставала тревожная мысль о грозномъ богѣ, который живетъ на гранитной скалѣ, подъ мракомъ суроваго лѣса. Ихъ тревожило, допустить ли богъ, чтобы скотъ ихъ нарушилъ его уединеніе, вѣковую тишину лѣснаго царства...

// л. 40

И вотъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, можетъ быть, когда съ далекаго юга подуетъ теплый вѣтеръ, и солнце растопитъ ледяную кору Ладоги, съ туманныхъ береговъ финскихъ одна за другой тянулись къ острову грознаго бога неуклюжія лодки. Во мракѣ лѣса, у гранитной скалы, творили финны⁸⁰ молитвы, возжигали костры и приносили въ жертву коня, чтобы умилостивить грознаго бога, что таится подъ гранитной скалой, прячется во мракѣ лѣсовъ.

Преданіе это сообщилъ препод. Арсенію корель Филиппъ, занимавшійся ловлею рыбы у береговъ острова... Отсюда и⁸¹ камень зовется «Конемъ», и островъ носить на себѣ это названье... Но это преданье въ умахъ христіанъ получило иной смыслъ⁸². Рыбарь Филиппъ уже вѣритъ, что подъ камнемъ живутъ злые духи, враги христіанства, и пугаютъ людей... Разсказъ его находитъ живой откликъ въ душѣ преп. Арсенія.

Онъ⁸³ — монахъ. Всю⁸⁴ жизнь положилъ онъ⁸⁵, чтобы избавить души людей отъ сѣтей діавольскихъ, отъ діавольской лести... Въ его памяти встаетъ Аѳонъ, гдѣ онъ искушалъ свои силы, пророческое напутствіе Аѳонскаго игумена Іоанна, который съ благословеніемъ отпускалъ его на далекій Сѣверъ: «Имамъ Богъ тобою воздвигнуть обитель подъ сѣверною

// л. 41

⁷⁹ *Далее было начато:* звен

⁸⁰ *Вместо:* финны — *было:* они

⁸¹ *Далее было:* осуровъ

⁸² *Вместо:* иной смыслъ — *было:* иное толкованіе

⁸³ *Вместо:* Тотъ — *было:* Онъ

⁸⁴ *Вместо:* Всю — *было:* Онъ всю

⁸⁵ *Онъ вписано.*

страною, и многіе люди имуть спастися тамо: избавитися же имать страна та отъ многія лести». И⁸⁶ преп. Арсеній видитъ предстоящій подвигъ: сокрушеніе лести, ковь діавольскихъ... Очевидно, онъ словомъ проповѣди заставилъ дикарей отказаться отъ идолослуженія, и на мѣстѣ моленій⁸⁷ языческихъ воздвигъ часовню... Преданіе же въ поэтичныхъ краскахъ описываетъ изгнаніе изъ-подъ камня нечистой силы...

Преподобный цѣлую ночь стоялъ на молитвѣ. На утро,⁸⁸ сопровождаемый своими послѣдователями, явился онъ съ иконой Богородицы къ гранитному камню, обошелъ его вокругъ и окропилъ св. водою... И тутъ свершилось чудо, подтвердившее дѣтскую фантазію дикихъ финновъ: лишь только преп. Арсеній обошелъ камень и окропилъ его св. водой, туча злыхъ духовъ въ видѣ черныхъ вороновъ вылетѣла изъ-подъ каменной глыбы и съ крикомъ полетѣла за озеро, на финскій берегъ, въ глубокой заливъ... Съ того времени тотъ заливъ зовется «Сартанлаксь», что значитъ «Чертова Лахта», «Заливъ чертей».

Такимъ образомъ дикое преданье язычника нашло откликъ въ душѣ христіанина, измѣнившись сообразно ихъ взглядамъ.

// л. 42

И до сихъ поръ коневецкіе монахи съ чувствомъ религіознаго трепета рассказываютъ о чудѣ, о діавольской лести и о древнемъ преданьѣ.

— Вы что?⁸⁹ — не вѣрите, можетъ быть? — испытующе спросилъ меня монахъ.

Я поспѣшилъ успокоить его тревожную мысль.

— Доподлинная правда... Даже въ умныхъ книгахъ писана... Теперь у насъ ни единой вороны на островъ нѣтъ... боятся. Воробей, голубокъ тамъ, — тѣ бываютъ, ну а ворона, — та все больше обходцемъ или такъ гдѣ-нибудь на бережку посидитъ, носъ поточитъ, а чтобы въ монастырь залетѣть — силы въ себѣ такой не чувствуютъ... И рада бы — да не можетъ... нѣ-ѣтъ!!

Очевидно онъ все это говорилъ, чтобы урезонить меня, и я не хотѣлъ его разочаровывать и потому не сказалъ, что сегодня же видѣлъ цѣлую стаю воронъ на монастырскомъ дворѣ.

— Этотъ камень любопытный... Многіе его въ фотографію симаютъ... Нигдѣ, говоритъ, такого нѣтъ, только у насъ... — повѣствовалъ монахъ...

Я поднялся въ часовню... Икона Божіей Матери... Тутъ же дощечка съ⁹⁰ просьбой, чтобы никто не писалъ на часовнѣ... На одномъ изъ столбовъ, несмотря на просьбу, написа-⁹¹

// л. 43

⁸⁶ И вписано.

⁸⁷ Далее было: идольскихъ

⁸⁸ Далее было: съ иконой Богородицы

⁸⁹ Вместо вопросительного знака была запятая.

⁹⁰ дощечка съ вписано.

⁹¹ На полях справа запись, не относящаяся к тексту: Питерсонъ

но стихотвореньице въ амурномъ тонѣ, и подписано: «Былъ здѣсь я... 1893 года, Юня 20». Подъ этой строкой написано: «Дуракъ, кто это написалъ... 1893 года, Юля 12го»... и наконецъ третья подпись: «Оба вы дураки... 1894 года, Юня 15 го. Павелъ Смирновъ».

Замѣчательная страсть людей увѣковѣчивать годомъ и числомъ свои подвиги!.. Мѣсто языческихъ жертвоприношеній стало святымъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ когда то злой духъ обиталъ и своими «прелестями бѣсовскими» людей пугалъ, воздвигнута часовня, знаменуя побѣду свѣта надъ тьмой.

Да! — думалъ я. — Нужна для монастыря внѣшность, нужны пещеры, мѣста когда то бывшихъ чудесъ — иначе оскудѣетъ вѣра и запустѣетъ обитель. Старое, наивное время, полное сказокъ, легендъ, преданій, гдѣ ты? Теперъ еще о тебѣ вспоминають, твои поэтическія легенды и сказки еще встають неясными въ людской фантазіи и своими полустершимися красками блѣдно, блѣдно рисуютъ тебя... Но безпощадно новое время... Скоро совсѣмъ поблѣднѣють яркія краски былыхъ временъ⁹², былыхъ картинъ и чудесъ и уйдутъ въ глубокую древность, чтобы никогда не являться на свѣтъ, не вызывать грустной улыбки.

— Вы должно быть не вѣрите... — грустно покачалъ головой монахъ. — По всему вижу, что не вѣрите... Эхъ! Бога-то люди боятся перестали... да... А чего не вѣрить?.. Все на

// л. 44

лицо: и камень и часовня...

— И воронъ нѣтъ — добавилъ я.

— И воронъ нѣтъ!! — радостно подхватилъ монахъ.

Но новое время явилось вдругъ въ образѣ несносной вороны и каркнуло надъ нашей головой. На высокой ели важно сидѣла ворона и спокойно смотрѣла на гранитную глыбу.

— Шш... — шш... — шш... пррроклятая!! — злобно крикнулъ на нее монашекъ. — Это она пролетцемъ такъ... а чтобы жить — ни-и-и... не бываетъ... Такъ со временемъ преподобнаго, сказываютъ, ведется... Теперъ я васъ въ скитъ поведу...

По лѣсу звенѣли бубенчиками монастырскія лошади. Заслышавъ шаги, онѣ выходили на дорогу и протягивали свои мордочки...

— Это онѣ за хлѣбомъ повадились... — пояснилъ монахъ. — Братія избаловала...

Куски гранита лежатъ⁹³ между деревьями... Брусника и черника обвиваютъ ноги своими цѣпкими вѣтками... Ягода лопається подъ ногами, трещатъ сухія шишки. Лѣсъ отошелъ въ сторону и передъ нами монастырскій покось... Стоять большіе стога сѣна. Маленькій сарайчикъ точно изъ-подъ земли выскочилъ. На

⁹² *Вместо: былыхъ временъ — было: былого времени*

⁹³ *Вместо: лежать — было: валяются*

лугу молодой монахъ съ барынькой петербургскій купчикъ по виду, собирають ягоды и шу-

// л. 45

шукаются. Съ барыней дочка лѣтъ пяти, но предусмотрительный монашекъ захватилъ съ собой мальчика-монашка, чтобы тотъ занималъ ребенка... Монахъ ускорялъ шаги, барыня за нимъ, а дѣвочка съ монашенкомъ остались далеко позади... Наконецъ интересовавшая меня парочка скрылась за стѣнами сарайчика.

Нашъ проводникъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Это кто жъ такой? вашъ монахъ? — спросилъ я старичка-послушника.

— Да, послушникъ... очень скучаетъ... Изъ купцовъ онъ... лавку свою имѣлъ, да профукалъ... вотъ и явился къ намъ благодать обрѣсти... А съ имъ то это знакомая... сродственница... Частенько прѣзжаютъ.

— А у васъ можно послушникамъ то съ родственницами гулять?

— А чего же и не погулять? Не Валаамъ... Тамъ дѣйствительно... Тамъ по грибы не пускають... А у насъ до этого не дошло... Гуляй и услаждайся, сколь красна природа.

Вы читали псалмы то Давидовы?

— Читалъ... ну такъ что же?

— А то же... онъ тамъ на каждомъ мѣстѣ природу славословить...

— Ну, а табачкомъ балуетесь?

— Запрещено... ну, да развѣ углядишь... Унесъ въ лѣсъ да и ввалился во славу Божию... Наконецъ мы увидали скитъ. Съ трехъ сторонъ обступили его высокія стѣны

// л. 46

лѣса. Озеро у самыхъ воротъ, того и гляди, что вбѣгутъ на пустынный дворъ темныя волны. Кирпичныя стѣны закрыли каменный храмъ и кельи... Впереди въ озерѣ видны туманныя очертанія финскаго берега, и далеко въ озеро выступила песчаная коса, поросшая лѣсомъ, образуя глубокой, тихій заливъ «Владычныя лахты».

Я видѣлъ⁹⁴ передъ собой чудную картину уединенія, заброшенности дикости. Тихо шумятъ вершины елей, а за стѣнами мертвая тишина, не доносится иноческая молитва изъ дверей храма. Висятъ на колокольнѣ молчаливые колокола, и не знаешь, звенѣли ли когда-нибудь ихъ мѣдныя языки, призывая иноковъ на молитву... Зачѣмъ звать, кого звать, когда все кругомъ мертво, только неутомное море плещется. Ворота отворены. На заросшемъ травой дворѣ — ни души, точно мы въ сонное царство попали. Храмъ отпертъ. Входимъ.⁹⁵ Изъ-подъ⁹⁶

⁹⁴ *Вместо: видѣлъ — было: смотрѣлъ на*

⁹⁵ *Далее было: Точно*

⁹⁶ *подъ вписано.*

земли выросла фигура старца-монаха. Строгие глаза изъ-подъ очковъ внимательно, удивленно смотрятъ на насъ.

— Вамъ чего?

— Скитъ пришли посмотръть.

— А-а-а! — И больше ни слова, точно сидя въ этой глуши, говорить разучился.

// л. 47

— Давно вы здѣсь?..

А?.. а? — наклонился ухомъ старикъ.

Я повторилъ вопросъ...

Скоро 30 лѣтъ будетъ... скоро... — прошамкаль монахъ.

30 лѣтъ среди глуши и дичи на пустынномъ островѣ!!

Можно будетъ вашъ скитъ снять?.. фотоаппаратъ у меня съ собой есть...

Монахъ продумаль.

— А не грѣхъ?

— Сымають... — успокоилъ его нашъ проводникъ. Теперъ заведено такъ, чтобы сымать все... Вонъ у насъ алтарь сымали... съ благословенія.

— Ну, значить, можно!.. патерикъ съ нашего скита-то сымите? —⁹⁷ спросилъ старецъ.

— Да... Да...

Онъ внимательно слѣдилъ за моими дѣйствіями и приглядывался къ аппарату, какъ ребенокъ.

— Разныя нонѣ штуки пошли... — сокрушенно сказалъ монахъ-проводникъ... — Вонъ вчера одинъ нѣмецъ на колесѣ пріѣхаль.

Кто пріѣхаль? — спросилъ старецъ.

— Нѣмецъ на колесѣ... —⁹⁸ вилсапитеть прозывается...

— Это нѣмецъ-то прозывается? Кто жъ онъ такой?

Нѣ-ѣтъ... Колесо это такъ называется. А нѣмецъ то самъ по себѣ... Извѣстно

// л. 48

онъ нѣмецъ то какой — лютеръ.

— А-а... Нѣмецъ, говоришь, пріѣхаль?

— Нѣмецъ...

— Не ладно... не ладно нѣмца въ обитель пускать... Не его это мѣсто... — вздохнулъ скитянинъ.

— Да рази его удержишь?. Какъ шелъ съ парохода, сѣлъ на свое колесо да⁹⁹ въ гору-то ровно искра...

— Э-эхъ! — вздохнулъ монахъ... — Грѣхъ ему будетъ... Святой островъ-то... а онъ искрой по ёмъ... Ну, а каковъ онъ изъ себя то?

⁹⁷ Далее было начато: сказ

⁹⁸ Далее было: лисапедъ

⁹⁹ Далее было: искрой ровно

- Куцый такой... безъ сапогъ...
- А-а... ну, а на лицо?
- Бѣлый такой...
- Ну, это ничего... Чорнаго бойтесь... чорнаго.

И опять вздохъ глубокой...

Я снялъ.

— Вонъ на Валаамѣ, сказываютъ, всѣ схимонахи поснялись... — сказалъ проводникъ-монахъ.

— Ишь-ты... схимонахи, говоришь?... — таинственно спросилъ старецъ.

— Схимонахи... И Иоаннъ-молчальникъ...

Смотрю, — заторопился, засуетился старецъ, замялся на одномъ мѣстѣ. Лицо его приняло застѣнчивое выраженіе, совсѣмъ дѣтское.

— А... если меня снять, — можно?... — попросилъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Лицо старика просіяло.

— Спасибо вамъ... Ужъ погодите минуточку...

// л. 49

побѣгу я въ келью, въ¹⁰⁰ мантию облекусь... —¹⁰¹

И бѣгомъ, откуда силы взялись, затрусилъ къ каменному зданію келій.

Много ихъ живетъ здѣсь? — спросилъ я у монаха.

— Человѣкъ шесть... только теперь они отдыхаютъ... праздникъ.

— Готовъ я теперь! — говоритъ, задыхаясь, старецъ въ мантии, которая пузыремъ вздувалась при его поспѣшныхъ шагахъ¹⁰². — Ужъ вы сымите патретику то... А?... пожалуйста... — повторялъ онъ, точно боялся, чтобы я не раздумалъ. — Тамъ... въ міру — родные есть... дочь...

Онъ сталъ на паперти, красиво задрапировавшись мантией, которая очень шла къ его высокой фигурѣ, къ¹⁰³ строгому выраженію лица... Въ рукахъ онъ держалъ четки. Съдая борода придавала ему почтенный видъ. «Точно патриархъ» — подумалъ я.

Я снялъ его... —¹⁰⁴

— Позвольте узнать ваше имя...

— Монахъ Севастіанъ.

— Такъ я вамъ пришлю карточку, отъ Севастіанъ. Приготовлю и пришлю...

— Пожалуйста... Позвольте ваше имя узнать. Я сказалъ.

— Буду васъ на молитвѣ поминать... — Онъ крѣпко пожалъ мою руку. Я не забуду, какъ¹⁰⁵ онъ просилъ меня прислать портретъ, съ какой надеждой провожалъ меня. И этой надеждѣ не суждено бы-

¹⁰⁰ въ вписано.

¹⁰¹ Далее было: И

¹⁰² Вместо: шагахъ — было: шаговъ

¹⁰³ Далее было: его

¹⁰⁴ Далее было начато: Позвол

¹⁰⁵ Далее было: У него, очевидно есть родное.

до осуществиться: дальней дорогой я, независимо отъ себя, испортилъ всѣ свои фотографическіе снимки и между ними снимокъ съ монаха Севастіана. Я написалъ ему письмо, въ которомъ утѣшалъ его надеждой, что, можетъ быть, скоро опять навѣщу его и постараюсь исполнить его желаніе. Мнѣ было бы очень жаль опечалить симпатичнаго старца, полнаго еще дѣтской привязанности къ родному, которое онъ оставилъ тамъ... въ міру. Монахъ Севастіанъ проводилъ насъ до воротъ. Въ шагахъ четырехъ отъ калитки песчаный спускъ въ озеро. Внизу черные камни; вода пѣнится, темная, какъ тучи, что въ небѣ нависли низко-низко, чуть не задѣвая острия верхушки елей.

— Скучно у васъ здѣсь...

— Теперь ничего, а вотъ осень наступитъ... страшно. Лѣсъ позади гудѣтъ, а въ ворота озеро рвется... Да что намъ... одной ногой въ могилѣ стоимъ... Прощайте... добраго пути... Про патретикъ то не забудьте...

Онъ стоялъ у скитскихъ воротъ и долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ... Темный лѣсъ кольцомъ охватывалъ тихій скитъ... Скоро фигура монаха исчезла за стѣной и красивая колокольня затерялась въ лѣсныхъ вершинахъ. Слѣва, внизу шумѣла вода, а надъ головой хмурый лѣсъ глухо звенѣлъ¹⁰⁶ хвоей... По обрыву вѣется дорога надъ моремъ, и намъ видно, какъ впереди у приста-

ни качаются монастырскія соймы...

Ну, какъ?... осмотрѣли наши достопримѣчательности?... понравилось?... встрѣтилъ насъ старичокъ гостинникъ.

— Ничего... только вотъ схимонаховъ-то нѣтъ... — пошутилъ я.

— Да... прибралъ Господь... Ну да еще будутъ, Господь дастъ... Конь то камень видали?

— Видали.

— А въ скиту были?

— Были.

— А сосну видали?

— Какую сосну?

— Эхъ ты... — укоризненно взглянулъ онъ на сопровождавшагося насъ монаха. — Сосны-то и не показаль!..

Монахъ сконфузился.

Да какая сосна то? — спросилъ я.

— Какъ какая? святая сосна у насъ есть... замѣчательная... подъ ей еще преподобный сиживаль... 500 лѣтъ ей... вотъ она какая сосна то... Посмотрите...

¹⁰⁶ *Вместо:* глухо звенѣлъ — *было:* начиналъ свою

противъ часовенки-то, въ саду... Экой ты какой, братъ... — укоряль старичокъ монашка. — Про сосну то и забылъ... Эхъ.

Я съ удовольствіемъ провелъ два дня на Коневецѣ, но особенно сильного впечатлѣнія не вынесъ: Валаамъ цѣликомъ поглотилъ меня...

Хозяйство Коневского монастыря было въ самомъ зачаточномъ состояніи и не могло быть даже блѣднымъ отраженіемъ того, что увидалъ я на Валаамѣ. У Коневца нѣтъ силы. У братіи нѣтъ того трудового духа,

// л. 52

которымъ такъ богатъ валаамскій инокъ. Лѣтописи коневецкія не богаты сказаніями о могучихъ духомъ схимонахахъ и отшельникахъ, какъ лѣтописи валаамскія. Монастырь не обладаетъ той богатой священной внѣшностью, какъ Валаамъ: Конь-камень, святая сосна да умершіе года четыре назадъ схимонахи не въ состояніи привлечь богомольцевъ, расшевелить религіозное чувство, вызвать на крупныя жертвы. Будь у Коневца хоть одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, какіе были на Валаамѣ, пошла ему судьба своего Дамаскина, было бы совсѣмъ иное: на Коневцѣ закипѣла бы работа, застучали бы машины, хлынули силы. Но капризная судьба не даетъ ихъ, да и богатый Валаамъ является серіозной конкуренціей, притягивая къ себѣ силы и капиталы и затмѣвая славой своей скудныя лѣтописи и сказанія Коневецкаго монастыря.

Въ половинѣ 3-го часа утра разбудилъ меня звонокъ въ корридорѣ гостинницы. Было еще совсѣмъ темно. Видно только, какъ плывутъ въ небѣ тучи, то открывая, то закрывая звѣзды. Темный контуръ собора высится надъ темными берегами... Море шумитъ, шелестятъ деревья въ палисадникѣ подъ окномъ... На колокольнѣ ударили къ полунощницѣ. Стучать каблуки по каменной дорожкѣ къ собору. Изображеніе преподобнаго на святыхъ воротахъ

// л. 53

благословляетъ темныя фигуры иноковъ.

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа...

— Аминь.

— «Александръ» черезъ часъ отходить... еще въ 11 ч. вечера пришелъ.

— Спокойно озеро?

— Нѣтъ... волнисто. Бури не будетъ, а покачаетъ...

Опять это «покачаетъ». Красиво озеро, чудно, но¹⁰⁷ при воспоминаніи о качкѣ, невольно содрагаешься. Я пошелъ въ соборъ въ послѣдній разъ взглянуть¹⁰⁸ на монастырскую братію и потомъ въ дорогу. Меня охватила сырость моря. Въ небѣ быстро бѣжали разорванныя тучи, открывая темно-голубое пространство. Издали вижу я, какъ сверкаютъ во мракѣ желтые огоньки свѣчей.

¹⁰⁷ но вписано.

¹⁰⁸ *Вместо: взглянуть — было: глянуть*

— «Изведи изъ темницы душу мою» — звучитъ подъ сводами храма пронзительный альти монаха.

Разноцвѣтныя лампы надъ ракой преп. Арсенія едва едва мерцаютъ. Малиновая бархатная завѣса красивыми складками¹⁰⁹ повисла надъ ними.

Старенькій, едва двигающийся монахъ, разинувъ отъ слабости ротъ, еще болѣе старый при слабомъ¹¹⁰ мерцаніи¹¹¹ огоньковъ, ставитъ обѣими руками дрожащую въ нихъ свѣчку. Накрывая гофреной мантией, виднѣется¹¹² распростертая возлѣ раки фигура монаха. Подъ сводами мракъ сгустился... Въ темномъ алтарѣ разноцвѣтными огоньками теплится седьмисвѣчникъ.

// л. 54

маргиналии

Пѣть кончили. Гнусавымъ голосомъ читаетъ монахъ молитвы. Тихо, ни кашля, ни шопота. И мнѣ показалось, что стою я¹¹³ полунощницу подъ Свѣтлое Воскресенье. Только тогда бываетъ такая торжественная тишина и такъ слабо мерцаютъ огоньки свѣчей и лампадокъ. По стѣнамъ стоятъ черныя фигуры монаховъ съ надвинутыми на глаза черными клобуками, и отъ этихъ черныхъ фигуръ еще болѣе увеличивается мракъ храма. Я прислонился къ стѣнѣ и задумался, глядя на эти чинныя, темныя фигуры¹¹⁴, читающія молитвы по четкамъ, чтобы не пропустить ни одного поклона. Вотъ вся ихъ жизнь: ходить по звонку, въ извѣстные часы снимать клобукъ, въ извѣстное время итти въ церковь, молиться, думать о смерти и ждать конца. Мнѣ они казались не живыми людьми даже, а умершими, которые въ полночный часъ встаютъ изъ гробовъ и собираются на молитву... Тишина, запахъ ладана, старческія мертвенныя лица, гнусавое чтеніе, потрескиванье свѣчекъ передъ образами... И вдругъ на беспокойномъ озерѣ, за стѣной загудѣлъ свистокъ парохода. Онъ звалъ меня. Точно жизнью пахнуло въ душную, мракомъ ночи пропитанную атмосферу. Бросивъ прощальный взглядъ на собраніе темныхъ фигуръ, застывшее въ молитвенной позѣ,

// л. 55

я поспѣшилъ къ выходу. «Добраго пути!» — чуть слышно, съ отгѣнкомъ грусти сказалъ кто-то. Я оглянулся... Согнутая фигура... Голова склонилась къ досчатому полу собора и черная мантия, надвинувшись складками, закрыла клобукъ...

— Спасибо! — сказалъ я, весь проникнутой любовью къ этому неизвѣстному мнѣ человѣку, въ сердцѣ котораго осталось еще такъ много человѣческаго чувства. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось. Я вышелъ на чистый воздухъ. Начинало свѣтать. Рѣдкія тучи бѣжали, образуя голубыя поляны....

¹⁰⁹ *Вместо:* красивыми складками — *было:* красиво охватываетъ ихъ

¹¹⁰ *слабомъ вписано.*

¹¹¹ *Далее было:* свѣчей,

¹¹² *Вместо:* виднѣется — *было:* виденъ

¹¹³ *Далее было:* въ

¹¹⁴ *Вместо:* фигуры — *было:* фигуру

Старичокъ-гостинникъ стоитъ на крыльцѣ. Онъ уже распорядился отправить на пристань наши вещи...

— Счастливаго пути! — сказалъ онъ и поцѣловался со мной на прощанье. — На Валаамъ поѣдете, насъ не забывайте... Да коли писать будете, не ругайте насъ...

Онъ жаль мою руку, точно не хотѣлъ разставаться, и часто моргалъ.

— Ну, прощайте!.. — и мы опять поцѣловались.

Мнѣ жаль было разставаться съ этимъ добродушнымъ старичкомъ, въ душѣ обиженнымъ за свою обитель и питающимъ въ сердцѣ надежду, что захочетъ Господь — и покажетъ славу свою.

// л. 56

Мнѣ жаль было покидать этотъ уголокъ, гдѣ въ теченіе двухъ дней я узналъ многое, чего не видалъ раньше. Мнѣ рисовался тихій, въ сонѣ могилы погруженный скитъ, затерянный въ лѣсистомъ заливѣ на песчаномъ побережьѣ, церковь съ открытой настежь дверью, пустынный дворикъ, травою заросшій... Я видѣлъ бьющееся въ берегъ море и фигуру монаха Севастіана, красиво задрапированную¹¹⁵ черной мантией... Потомъ старый монахъ, распростертый на полу, который точно испугался сказанныхъ словъ, вырвавшихся изъ глубины души¹¹⁶ и поспѣшилъ закрыть черной мантией таившагося въ немъ человѣка. Наконецъ добродушный гостинникъ, крѣпко жавшій мнѣ руку и выразившій на своемъ лицѣ чувство симпатіи... Второй свистокъ...

Я сбѣгаю съ горы... Высокая, худая фигура монаха неподвижно, какъ и двое сутокъ назадъ, стоитъ у часовни и смотритъ куда-то вдаль... Третій свистокъ... Монашекъ сбрасываетъ причаль и смотритъ, какъ нашъ пароходъ, вздымая пѣну винтомъ, медленно отодвигается отъ пристани. Дальше и дальше уходитъ лѣсомъ поросшій Коневецъ... Бѣлѣетъ соборъ на зеленой стѣнѣ лѣсовъ. Вправо чуть виденъ тихій скитъ, задернутый густой сѣткой¹¹⁷ тумана.

// л. 57

Видна длинная полоса земли; едва-едва маячитъ колокольня собора... Прощай, Коневецъ! Туманъ начинаетъ обвивать его бѣловатою мглою... За полосою земли на водахъ поднялось огненное солнце, но оно еще не прорвало туманъ...

«Сартанлаксь!» — крикнулъ штурманъ, вбѣгая на палубу. Передъ нами «Чортова лахта», глубокой заливъ, окаймленный лѣсомъ. Видны домики, пристань, на ней кучка людей, бѣлый маякъ на песчаной¹¹⁸ косѣ. Свистокъ... Пароходъ дѣлаетъ остановку... Небо ясно, солнце высоко въ небѣ, и я вижу, какъ лежитъ на водахъ¹¹⁹ освѣщенный солнцемъ, покинутый нами Коневецъ.

¹¹⁵ *Далее было: въ*

¹¹⁶ *Далее была запятая.*

¹¹⁷ *Далее было: лѣса*

¹¹⁸ *Вместо: песчаной — было: поворотъ*

¹¹⁹ *Далее была запятая.*

ГЛАВА IV.

Оставивъ на пристани нѣсколько бочекъ и ящиковъ, «Александръ» идетъ вдоль финскаго берега, поросшаго невысокимъ березнякомъ и ельникомъ. Мертвыя песчанья осыпи, длинныя косы съ бѣлыми маяками у самой воды. Нѣсколько позади, вправо — темно-зеленая полоса земли смутно напоминаетъ собой знакомыя очертанія Коневца. Море — спокойное, волны — свѣтлыя, ярко освѣщенное небо вверху, безконечный лѣсъ по берегамъ финскимъ...

— На Валаамъ-съ? — спрашиваетъ меня упитанный, краснощекий паренекъ въ лаковыхъ сапогахъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, добавляетъ: — Десятый разъ ѣду-съ...

— А!...

— Да-съ... По желѣзной части мы... Мастерскія у монашковъ-съ, ну, мы и скупаемъ у нихъ, которое ежели желѣзо отъ дѣла остается, оковку изъ кузницы. Пудиковъ по 300... А знатно-съ нонеча ѣхать... одна-съ меланхолія.

— Какъ?..

— Меланхолія... т. е. въ родѣ она — чуть-чуть колышетъ... А мы вѣдь по самымъ опаснымъ мѣстамъ ѣдемъ. Чуть въ сторону¹²⁰

// л. 61

— и погибель... камни по дну тянутся... — невозмутимо сообщилъ мнѣ парень въ лаковыхъ сапогахъ.

Чаще и чаще встрѣчались маяки. Полосатыя палки торчали изъ воды, обозначая фарватеръ. Впереди цѣлая семья скалъ. Невысокій лѣсъ раскинулся на нихъ темно-зеленой щетиной. Мы выступаемъ въ тихіе проливы, плывемъ мимо унылыхъ шхеръ, лавируемъ, поворачивая то вправо, то влѣво... Вотъ невысокій холмикъ лежитъ на водѣ, покрытый красной брусникой; вотъ исполинская стѣна точно готовится упасть на нашъ пароходъ и задавить своей тяжелой массой. Чорныя трещины исполосовали еѣ¹²¹. Зіяющая грозной тьмой пещера притаилась у самой воды.

Передъ нами глубокой заливъ, окруженный гранитными островками. Та же¹²² деревянная пристань, тѣ же¹²³ крытые еловой лучиной домики, какъ и въ Сартанлаксъ. Это предмѣстье Кексгольма.

На берегу финскія двухколески, запряженныя миниатюрными шведками. Старуха финнка торгуетъ баранками и булками своего печенія. Угрюмые финны, въ кожаныхъ курткахъ, съ привѣшенными у пояса ножами¹²⁴ сосредоточенно по-

¹²⁰ На полях справа запись, не относящаяся к тексту: Игнатовъ и расчеты

¹²¹ Далее было: сверху донизу

¹²² Вместо: Та же — было: Та же

¹²³ Вместо: тѣ же — было: тѣ же

куриваютъ короткія трубки. Опять визгливая цѣпь вытягиваетъ изъ трюма мѣшки и бочки, старикъ финнъ, не выпуская изо рта трубки, размѣренными движеніями мозолистыхъ рукъ сбрасываетъ причаль съ деревянной тумбы, хмуро глядитъ вслѣдъ, и новая вереница прихотливыхъ шхеръ закрываетъ отъ насъ затерянное на пустынномъ побережьѣ предмѣстье Кексгольма.

Кончились шхеры. Открытое озеро плещется подъ нами, слѣва тянется песчаный берегъ, а впереди опять идутъ на насъ груды каменныхъ горъ. Опять обступаютъ насъ башни, пещеры, гигантскія стѣны, разсѣченныя ржавыми полосами желѣзной руды, циклопическія постройки, безпорядочно наброшенныя груды плитъ... Подъ страшно-высокой стѣной, точно чайка, притаилась лодочка съ бѣлымъ парусомъ и двумя маленькими финнами... Надъ ней повисла скала, а со скалы могучая сосна протягиваетъ въ воздухъ свои крючковатые корни. Въ промежуткахъ утесовъ видны берега, деревушки, крытыя дранью, желтыя полосы ячменя и овса, маленькіе снопики ржи.

«Кроноборъ!..» — кричитъ штурманъ.

Маленькій поселокъ, окруженный горами.

Деревянная лютеранская церковь тонкимъ шпилемъ царитъ надъ узкой долиной. Толстогубые финны курятъ свои трубки; ни улыбки, ни мысли на ихъ деревянныхъ лицахъ... Остановки кончились. Пароходъ идетъ къ Валааму, до котораго около 70 верстъ.

Скалы все еще давятъ насъ своей сѣрой массой. Надъ нами плывутъ рыхлыя дождевыя облака. Порывъ вѣтра вдругъ налетитъ изъ угрюмаго ущелья, покачаетъ пароходъ и затихнетъ... У подножья каменныхъ горъ, покрытыхъ тьмой сосноваго лѣса, начинаютъ закипать бѣлой пѣной потемнѣвшія волны. Бѣловатые барашки на поверхности волнъ говорятъ о наступающей непогодѣ. Одна за одной уходятъ назадъ скалы, скоро совсѣмъ убѣгутъ, вотъ только минуемъ длинную, черной щелью прорѣзанную гору. Море шумитъ впереди.

На палубу прибѣжали матросы и стали натягивать паруса. Попутный вѣтеръ несетъ пароходъ къ скаламъ Валаама, еще закрытымъ отъ насъ кривизной волнующагося моря... Сѣрыя шхеры остались далеко позади. Верстахъ въ 6 влѣво берегъ уходилъ къ сѣверо-западу, и¹²⁵ казалось, что мы никогда больше не ступимъ на землю...

¹²⁴ Далее была запятая.

¹²⁵ Далее была запятая.

На горизонтѣ, точно на ниточкѣ, быстро бѣжитъ пароходъ, распустивъ паруса, бѣлый, какъ чайка... Мы весь его видимъ, но скоро остались одни только бѣлыя крылья, пронизанныя черной полосой дыма. Въ далекой синевѣ темнымъ контуромъ островокъ показался и пропалъ.

Темныя волны какъ бы масломъ подернуты; ихъ малко-мелко нагофренная поверхность принимаетъ видъ расплавленнаго сверкающаго графита всякій разъ, какъ упавшій изъ тучи лучъ солнца пробѣжитъ, извиваясь, по ихъ бѣловатымъ гребнямъ. Щелкаютъ растянувшіеся паруса. Вѣтеръ ударилъ въ бокъ, и пароходъ несется впередъ, склонившись на сторону... Насъ качаетъ и бортомъ и килемъ. Руль поднимается и падаетъ съ страшнымъ трескомъ, и мнѣ нравится эта качка подъ вѣтромъ, и вспоминаются рождественскія карусели...

Старикъ финнъ, шкиперъ судна, обходитъ бортъ, тревожно осматриваетъ рулевую цѣпь и перегибается за корму. Сквозная рѣшотка борта совсѣмъ склонилась къ водѣ, и темныя волны едва не забѣгаютъ на палубу. Прибѣжали матросы и опять стали натягивать растянувшіеся, гремящіе паруса. Пароходъ стучитъ чѣмъ-то внизу, точно бьется о подводные камни.

// л. 65

За частой сѣткой дождя опять показали на горизонтѣ синія очертанія острова.

— Не Валаамъ-ли? — спрашиваю старика шкипера, сморщенное лицо котораго не выражаетъ, кажется, ни одной мысли. Точно деревянную голову прикрыла рыжая касторовая шляпа:

— Нѣ-йтъ Валямъ... — Онъ махнулъ сухой рукой въ пространство. — Дридцать верстѣ...

Передъ нами одинъ изъ острововъ, купленныхъ игуменомъ Дамаскинымъ у финляндскаго правительства, благодаря содѣйствію Россіи. Бѣлые гребки волнъ¹²⁶ закрыли островъ. Въ будкѣ рулевого появился капитанъ съ подозрной трубой и долго смотрѣлъ впередъ: онъ боялся, не отнесло ли насъ вѣтромъ. Матросы — финны прислушиваются, не ударяютъ ли колокола валаамскіе, призывая въ бурное время на серебряный звонъ, въ тихую пристань Монастырскаго пролива.

Но не слышно серебрянаго звона, не синѣетъ на горизонтѣ группа Валаамскаго архипелага. Проходитъ долгій, томительный часъ... Дождь льетъ, вѣтеръ свиститъ, хлопя парусами...

— Валаамъ видѣнъ! Слава те, Создателю...¹²⁷

// л. 66

— слышу я.

Но я не зналъ, что такое этотъ, раньше невиданный мною, очаровательный Валаамъ.

¹²⁶ волнъ вписано.

¹²⁷ На полях слева наброски: слышу я...

Впереди насъ большой зеленый островъ, высокій, скалистый: бѣлой пѣной кипитъ вокругъ него море. На гранитную стѣну бѣжитъ пароходъ, подпрыгивая на пѣнящихся гребняхъ... Ближе подходимъ... Островъ начинаетъ дробиться: видны каменистые берега, проливы, а за проливами опять берега, горы скаль однѣ надъ другими, а на этихъ горахъ, уходя высоко въ небеса, старые, могучіе лѣса растутъ. Тамъ, на этихъ острыхъ верхушкахъ елей и темныхъ вершинахъ сосенъ лежатъ дождевыя облака, тамъ плывутъ сѣрыя тучи... Древностью, силой могучей вѣетъ отъ мрачныхъ скаль и дремучихъ лѣсовъ... Передо мной сказочное царство... Весь знакомый, обыденный міръ пропалъ за водяными валами, и невидимая сила, волшебный корабль принесъ къ этимъ таинственнымъ берегамъ, неприступнымъ и дикимъ, безлюднымъ и величественнымъ.

Великолѣпный проливъ Монастырскій выдвинулся изъ-за скалистаго мыса. Слѣва, почти на отлетѣ каменный островъ точно сторожитъ входъ въ царство иноковъ валаамскихъ. На немъ бѣлая церковь, высокій гранитный крестъ, позади тем-

// л. 67

но-зеленая стѣна лѣса. Это скитъ Никольскій.

Пароходъ вступаетъ въ проливъ и медленно движется между отвѣсными скалистыми берегами. Справа и слѣва тихій лѣсъ охватилъ насъ тишиной и свѣжестью своихъ молчаливыхъ нѣдръ.

Свистокъ. Высоко влѣво на отвѣсной скаль грандіозный храмъ. Золотятся кресты на голубыхъ куполахъ, точно безконечныя тучи разорвались вдругъ, и лучи солнца засверкали въ голубомъ эфирѣ. По тридцатисаженной горѣ лѣплятся клены, висятъ надъ фруктовымъ садомъ, надъ тихими водами пролива. На скаль чугунная рѣшетка. Черными точками смотрятъ оттуда монахи, какъ глубоко внизу подъ ихъ ногами медленно движется пароходъ, пришедшій изъ чуждаго, но когда то родного имъ міра. На соборѣ ударяютъ къ вечернѣ. Съ крутой горы монастырской съ грохотомъ спускается повозка... На пристани толпа богомольцевъ. Монахи-пѣвчіе выступили впередъ и собираются пѣть.

— Воскресеніе Христова видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу-усу... — запѣли на нашемъ пароходѣ немногочисленные богомольцы, и стали креститься на соборъ.

// л. 68

— Е-ди-но-му безгрѣ-ѣшному... — подхватили на берегу монахи-пѣвчіе и огромная толпа богомольцевъ.

Пароходъ бьетъ винтомъ, стараясь повернуться и пристать.

Я вижу на берегу знакомыхъ богмольцевъ, пріѣхавшихъ раньше на «Петрѣ І». Извозчикъ-собственникъ привѣтливо раскланивается со мной. Тутъ же торчитъ и Валаамская скуфья, искушавшая смиреннаго монашка съ Аѳона.

Наконецъ «Александръ» повернулся, присталъ, раскрылъ бортъ и выпустилъ насъ на твердую землю.

— Потрепало васъ малость... А мы на «Петрѣ»¹²⁸ ровно какъ стеклу доѣхали... — сообщаетъ мнѣ Петръ Егорычъ, извозчикъ. Скуфья Валаамская также считаетъ нужнымъ вставить словцо о «чудесѣхъ валаамстїихъ» и «езерѣ», которое ужъ очень бурно.

— Въ рай, сказано, вратами тѣсными вступаютъ... Намаялись, — ну и утѣшеніе для души обряцете... — и скуфья умиленно лѣзетъ цѣловаться.

— Ну, а монашекъ то съ Аѳону какъ себя чувствуетъ?

— Какъ, по писанію, грѣшникамъ геена огненная уготовляется, тако и сему мо-

// л. 69

наху. Недостоинъ бо есть внити въ лоно братїи сей обители и теперъ угрызается, во тѣмѣ сидя.

— Что же это означаетъ? — спрашиваю я Петра Егорыча.

— Да подпоилъ его купчикъ одинъ дорогой. Коньякомъ больше наливалъ... Ну тотъ съ непривычки и захмелѣлъ... Много ли монаху надость? А монашекъ то изъ горячихъ видно... Какъ спелъ съ парохода — прямо къ старичку-монаху одному да дерзновенно таково: — «Съ Аѳону, кричить, я!.. подавай сюда колокольный звонъ на встрѣчу!» — Ну, его сейчасъ подъ руки и въ темную. Третій день сидитъ...

— Ну, а купчикъ какъ?

— Того не пустили. Въ Сердобыль повезли, чтобы протрезвился сначала, а потомъ чтобъ каяться прїѣзжалъ. Только его теперъ безпремѣнно засудятъ.

— А что?

— Да грѣхъ съ нимъ одинъ тутъ вышелъ. Къ финнкѣ онъ допрежь все приставалъ... — бѣленькая такая на «Петрѣ» была... — «Поѣдемъ да поѣдемъ со мной». А потомъ цѣловаться полѣзъ... въ обнимку... Та то его и огрѣла... А онъ опять было въ обнимку да сгоряча то старичку одному въ ухо и садануль... Въ шляпѣ-то который,

// л. 70

все книжки священныя читалъ. Тотъ какъ взѣлся, какъ пошелъ... — «Я пришелъ, генераль. Я тебя за это за самое оскорбленіе на каторгу угоню»... А купчикъ кричить: «— Я самъ тебя угоню»... спяну-то.¹²⁹ Старичокъ сейчасъ свидѣтелей... — «Въ Питерѣ разыщу!» — кричить... И засудитъ вѣдь —¹³⁰ вѣрное дѣло... Всѣмъ тутъ пачпортъ свой показывалъ, и¹³¹ видно по пачпорту, что генераль настоящій.

¹²⁸ *Далее было: какъ*

¹²⁹ *Вместо точки было многоточие.*

¹³⁰ *Вместо тире было многоточие.*

¹³¹ *Вместо: ...И — было: , и*

На пристани гранитная часовня, сооруженная монахами изъ своего матеріала¹³². Передъ иконой Матери Божіей начался благодарственный молебенъ.

Небо дождливое, свинцовое. На всемъ лежитъ туманная, тусклая пелена непогоды... Конечно, при солнцѣ картина вышла бы¹³³ еще великолѣпнѣй, но пасмурный день нисколько не уменьшалъ той прелести, того очарованья, которое овладѣло мной при первомъ взглядѣ на разбросанную по скаламъ обитель.

Монастырская повозка быстро несетъ насъ въ гору, къ величественному зданію трехъ-этажной гостинницы.

ГЛАВА V.

На фронтонѣ гостинницы, въ кругломъ медальонѣ — икона двухъ святителей валаамскихъ: Сергія и Германа. На крыльцѣ нѣсколько человѣкъ монаховъ — при-

// л. 71

служниковъ во главѣ съ «хозяиномъ»¹³⁴ гостинницы, о. Антипой. О. Антипа, юркій и востроглазый старичокъ въ выбившимися изъ-подъ клобука косами сѣдыхъ волосъ, пытливо и подозрительно всматривается въ насъ. Да и нельзя ему не смотрѣть подозрительно: передъ нимъ парочка, а за спиной стоитъ строгій уставъ монастырскій, указующій «разъединять». Еще на пароходѣ одна изъ пассажировъ, посѣтившая въ молодости Валаамъ, говорила: «— Вотъ и Богъ соединилъ, а разлучать васъ... Васъ вотъ въ одну келью, а её въ другую. Строгость ужъ такая у нихъ. Меня съ мужемъ тоже разлучили...»

Можетъ быть это было прежде, можетъ быть такое правило и находится въ строгомъ кодексѣ валаамскихъ установленій и иногда нарушается по усмотрѣнію отца гостинника; къ намъ же оно не было примѣнено. О. Антипа пронзилъ насъ своими пытливыми¹³⁵ глазками и со строгостью въ голосѣ, какъ слѣдователь, спросилъ:

— Вы откуда?..

Кругомъ въ почтительномъ молчаніи стоятъ послушники.

— Изъ Москвы.

Нѣкоторые удивленіе. Послушникъ Василій, Москвичъ, какъ я узналъ послѣ, даже крякнулъ отъ удовольствія. Надо замѣтить, что богомольцы изъ Москвы на Валаамѣ довольно

// л. 72

рѣдкая вещь. Большинство петербуржцы, новгородцы, псковитяне, олонецане, финны.

¹³² *Вместо:* матеріала — *было:* матеріалу

¹³³ *бы* вписано.

¹³⁴ *Вместо:* «хозяиномъ» — *было:* начальникомъ

¹³⁵ *Вместо:* пытливыми — *было:* умными, даже хитрыми

Нашъ отвѣтъ не удовлетворилъ мудраго старца Антипу. **Маргиналия**

— Вы кто же?... братъ и сестра??... — Пронзительный взглядъ.

Отвѣтъ нашъ ставить о. Антипу въ тупикъ. «Изъ Москвы... гм... гм... надо же имъ какое-нибудь послабленіе сдѣлать... Москвичъ — рѣдкая птица...» — можетъ быть подумалъ проницательный о. Антипа. Онъ колебался, примѣнить ли къ нимъ правило о «разлученіи». Зачѣмъ-то¹³⁶ побѣждалъ онъ во второй этажъ, потомъ опять сбѣжалъ внизъ, юркнулъ въ свое «отдѣленіе», погромѣлъ ключами и, наконецъ, повелѣлъ отвести насъ въ келью № 27 въ первомъ этажѣ, подать самоварчикъ и, вообще, успокоить съ дороги.

Келья узенькая,¹³⁷ похожая скорѣй на клѣтку, чѣмъ на комнату, двѣ постели съ кирпичными подушками и каменными матрацами. Окно въ цвѣтничокъ. Вправо виденъ соборъ за монастырскими зданіями, прямо — высятся за проливомъ скалы, покрытыя лѣсомъ. Пахнетъ постнымъ масломъ, сухими корками и еще какою-то¹³⁸ дрянью.¹³⁹

Я прилежъ¹⁴⁰ на каменный матрацъ, желая оправиться отъ страшной качки, и сталъ было забываться, какъ за дверью точно кто

// л. 73

въ трубу загудѣлъ:

— Господи Боже нашъ, молитвами св. отецъ помилуй насъ...

— А? что? — сначала не понялъ я и открылъ глаза. Вижу — отворяется дверь, пролѣзаетъ сѣрая книга, а за ней монашекъ-блондинъ благообразной наружности. Власы умаслены и лежатъ по плечамъ. На лицѣ — улыбка.

— Ваше имя и фамилію позвольте узнать...

Называю себя.

— Вы кто жъ такой будете?

— Студентъ-съ, — говорю.

— Служите-съ гдѣ?

— Студентъ... учусь еще...

— А... а!. науки происходите...¹⁴¹ А гдѣ житье-бытье изволите? адресокъ вашъ?

Я сообщаю ему свой адресъ и онъ старательно заноситъ все въ свою книгу.

— Издалека вы... очень даже издалека. А у насъ хорошо. Особливо мастерства... Есть такія что и въ Москвѣ не сыщешь...

— А схимонахи у васъ есть?

— Схимонахи?... какже-съ... Схимонаховъ у насъ десять человѣкъ. Мы всегда схимонахами богаты... Старцы замѣчательные. А ежели на кладбище загляните, такъ диву дадитесь, какіе подъ землей лежатъ... Чудеса творили...

¹³⁶ Далее было: онъ

¹³⁷ Далее было начато: въ ро

¹³⁸ -то вписано.

¹³⁹ Вместо точки была запятая.

¹⁴⁰ Вместо: прилежъ — было: легъ

¹⁴¹ Вместо: науки происходите... — было: занимаетесь...

- А прозорливцы есть?
- Прозорливцы? — послушникъ улыбається.

// л. 74

Мы всѣ прозорливцы — ¹⁴² знаемъ, что завтра будетъ...

Онъ смиренно поклонился и вышелъ.

— Господи Боже нашъ, помилуй насъ... — звучитъ ¹⁴³ голосъ за дверью, и, не дожидаясь отвѣта, братъ Василій наподдаетъ ногой дверь и вноситъ самоваръ. Физиономія его, украшенная толстымъ носомъ, сияетъ.

— Я вѣдь тоже изъ Москвы. Земляки вѣдь... Какъ Москва стоитъ? не провалилась еще?

— Чего же ей проваливаться?

— Да вѣдь всегда города грѣшные въ тартарары, значить... Ну, благослови Господи, кушайте! — и онъ уходитъ.

Слышно, какъ прохаживаются по коридору монахи, напѣвая стихиры.

Отъ праздника Преображенія осталось еще довольно много богомольцевъ, но ихъ почти не видно: всѣ стоятъ вечерню.

Я всетаки заснулъ въ каменномъ валаамскомъ матрацѣ.

— Передъ тѣмъ, какъ проснуться, ¹⁴⁴ я почувствовалъ, какъ на меня пахнуло свѣжестью, запахомъ моря, лѣса, тихимъ дыханіемъ валаамской ночи... Занавѣска у окна пузырилась отъ легкаго вѣтерка и позволила видѣть потемнѣвшій лѣсъ на скалахъ за проливомъ, чистое небо съ желтоватыми точками просыпающихся звѣздъ...

// л. 75

И когда, просыпаясь я увидалъ то, что позволяла видѣть откинувшаяся занавѣска, когда почувствовалъ на себѣ дыханіе озера, ночи, скалъ, лѣсной глуши, увидалъ слабое мерцаніе звѣздъ съ сѣвернаго неба, тихая радость овладѣла всѣмъ существомъ моимъ ¹⁴⁵.

Девятый часъ вечера.

— Господи Боже нашъ, помилуй насъ... ¹⁴⁶ — Братъ Василій вноситъ ужинъ. На подносѣ стоитъ миска щей, каши, картошка съ грибами, графинъ съ квасомъ и стопа чорнаго хлѣба.

— Кушайте во славу Господа! отвѣдайте нашей пицци то. Наша то пицца свой секретъ имѣетъ, два даже... — сообщилъ братъ Василій и хитро подмигнулъ глазомъ.

— Какой же такой секретъ?

¹⁴² *Вместо тире было многоточие.*

¹⁴³ *Вместо: звучить — было: а. слышится б. раздается*

¹⁴⁴ *Рядом с текстом: Передъ темъ, как проснуться — помета: (нов<ая> строка)*

¹⁴⁵ *Вместо: тихая радость овладѣла всѣмъ существомъ моимъ — было: я [бы] сдѣлался безконечно доволенъ и сказалъ самъ себѣ: «наконецъ то я на Валаамѣ».*

¹⁴⁶ *Вместо многоточия был восклицательный знак.*

— А вотъ какой... Спервоначалу она не скусна для богомольцу то... съ непривычки, особливо ежели изъ чистыхъ то...¹⁴⁷ Хлебнетъ ложку, понюхаетъ и бросить — не по носу клюква. А потомъ, какъ пусто у него въ чемоданѣ то станеть, глядишь и привыкать начинается, такъ подчистить, что и мыть незачѣмъ... Вотъ и вамъ тоже спервоначалу не пондравится...

А другой какой секретъ?

— Другой замѣчательный. Сперва съ нашей пищи слабѣть чловѣкъ начинается, исху-

// л. 76

даеть, побѣлѣеть, особливо съ работы. А потомъ переломить его что то, и въ силу пойдетъ, и крѣпости въ немъ больше становится, чѣмъ когда въ міру жилъ, мясо трескаль.

Почему же это такъ?

А потому что благословенная пища... Надъ ей молитву читають, пѣснопѣнія поють, ну и крѣпость въ ней съ молитвы-то...

— Привычка много значить...

— Вѣрно вы сказали — привычка... Ну да не одна привычка. Молитва крѣпость даеть... Пустынникъ у насъ былъ въ скиту... Просфору на три дня полагалъ да въ огородѣ работалъ. Какъ это по вашему...

— Это еще ничего... — говорю я брату Василию. — А вотъ¹⁴⁸ у насъ нѣмецъ одинъ 40 дней одной водой питался...

— Нѣмецъ! Вретъ нѣмецъ, обманываетъ... — обидѣлся братъ Василій. Развѣ нѣмцу выдержать? Молитва да постъ держитъ духъ то въ тѣлѣ, а нѣмецъ поста не чететь...

— Не скучно вамъ здѣсь, братъ Василій?

— Чего скучать? Ну, его къ Богу, городъ-то вашъ! Вотъ онъ гдѣ у меня сидитъ-то... — ткнулъ онъ себя въ горло. — Тутъ тепло, сытно, занять... и благолѣпіе... Тутъ мы всѣ равны. Хорошо у насъ: нѣтъ того, чтобы забыли чловѣка, замытарили... Монахъ, еромонахъ, послушникъ — у насъ все равно. Картошку

// л. 77

копать — всѣ идутъ... У насъ по правдѣ живутъ... Чиноначалія этого у насъ и слыхомъ не слыхатъ: — у насъ обчество. Игумень у насъ для порядку только, потому всякій свое дѣло дѣлаеть... Самъ игумень послушаніе исполняетъ, а потому что законъ Божій соблюдаетъ. А тамъ, въ міру не то... Чуть ты слово — сейчасъ и по загривку влетѣло... Ты хочешь своимъ умомъ, а тебѣ сейчасъ въ шею — рразъ... и готово дѣло... А у насъ по правдѣ все... Ну, покойной ночи...

Братъ Василій ушелъ.

¹⁴⁷ *Вместо многоточия было: сословія*

¹⁴⁸ *вотъ вписано.*

Я прожилъ на Валаамѣ недѣлю и за это короткое время успѣлъ убѣдиться въ искренности и справедливости словъ брата Василя... Въ человѣкѣ не затирали души, хотя требовали отъ него отсѣченія воли. Человѣкѣ оставался независимымъ, хотя и терялъ волю, ибо отсѣченіе воли — идея и т. д.¹⁴⁹, выработанная тѣми, кто пришелъ охотой на Валаамъ... Человѣка не били по заливку, не унижали, напротивъ, давали возможность развиваться его стремленіямъ, давали ему въ руки то дѣло, которое онъ знаетъ и въ этомъ дѣлѣ онъ являлся вполне отвѣтственнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ... Въ человѣка вѣрили, въ человѣкѣ признавали опять таки *человѣка*, хотя это признаніе было обставлено такими условіями, которыя на нашъ¹⁵⁰ взглядъ могутъ показаться невозможными, какъ

// л. 78

напр., отсѣченіе воли, т. е. полнѣйшее отсутствіе собственнаго своего «я»¹⁵¹.

10 часовъ вечера. Богомольцы уже вернулись отъ трапезы и разбрелись по кельямъ. Монахи еще въ храмѣ: они слушаютъ правило и поютъ отпускную молитву... Величественный контуръ собора темнымъ исполинскимъ пятномъ обозначается на свѣтломъ пологѣ неба¹⁵²... Кресты горятъ на немъ, отражая лучи мѣсяца, который еще закрытъ стѣной лѣса... Дремлетъ величественный Валаамъ на горахъ скалистыхъ, огражденный шумнымъ озеромъ отъ бурнаго міра. Спятъ лѣса на каменистыхъ горахъ, печальные скиты по островамъ и дебрямъ... И надъ всѣмъ этимъ царствомъ мира и тишины изъ-за острыхъ вершукъ еловаго лѣса поднимается мѣсяцъ...

Усталый отъ впечатлѣній тревожнаго дня, я скоро заснулъ на каменной монастырской постели. Сильный дребезжащій звонокъ разбудилъ меня въ срединѣ глубокой ночи.

— Вре...мя пѣ...нію... — пауза и звонокъ. — 153 Мо...ли...твѣ часъ... — затянулъ загробный, унылый голосъ за дверью... Опять звонокъ. — «Господи Боже нашъ, — тянетъ печально монахъ, уходя въ отдаленный конецъ корридора. — Помил-ду-у-й насъ... — чуть-чуть слышенъ мотивъ молитвы. И опять дребезжащій звонокъ. Проходитъ нѣкоторое время. Я начинаю забы-

// л. 79

ваться.

— Вре-мя... пѣ...ні...ю... молитвѣ часъ... — опять тянетъ надъ моимъ ухомъ монахъ. Голосъ печальный, мотивъ похоронный, даже жутко становится отъ тишины ночи, пробужденной нотами замогильнаго напѣва... — Господи Боже нашъ, помил-у-уй насъ...

¹⁴⁹ *Вместо:* Человѣкѣ оставался независимымъ, хотя и терялъ волю, ибо отсѣченіе воли — идея и т. д. — *было:* Почему? Да потому, что отсѣченіе воли — идея

¹⁵⁰ *Далее было начато:* вз

¹⁵¹ *Вместо:* собственнаго своего «я» — *было:* отрицательнаго эгоизма

¹⁵² *Вместо:* пологѣ неба — *было:* небѣ

¹⁵³ *Далее было:* Молитвѣ

Гдѣ-то стукнула дверь... Раздались поспѣшные шаги по каменнымъ плитамъ корридора. «Началась полунощница?» — спрашиваетъ кто то за дверью...

Я не пошелъ къ полунощницѣ и старался заснуть, все еще опасаясь внезапнаго пѣнія и звона. Мнѣ представлялся длинный, темный, каменный корридоръ, точно длинный гробъ, и черная фигура блѣднаго монаха съ восковой свѣчей и звонкомъ. Печальный мотивъ, напоминающій о смерти, разрушающій грезы, голосъ, зовущій на молитву, больно ударялъ по сердцу, говорилъ, что и мы оторваны отъ міра, должны непрестанно думать о смерти, должны повторять ночью: «Господи Боже нашъ, помилуй насъ!..» Мнѣ не спалось. Хлопали двери келій, шмыгали богомольцы; проходили прислужники, напѣвая: «Се женихъ грядетъ»... Къ чему эта суетня, эта ночная тревога, разрушеніе забытья¹⁵⁴? Для того, чтобы ночью не забывать о смерти... Вѣчная денная и ночная

// л. 80

дума о смерти, о гробѣ, о прахѣ, о будущей жизни. И за работой и во снѣ — дума о смерти...

Ясный день. Солнышко зайчиками бѣгаетъ въ бѣленькой кельѣ... Въ цвѣтникѣ подѣ окномъ свиститъ пташка, на колокольнѣ звонять къ «Достоинно». Синее небо далеко надъ землей... Воздухъ чистъ, позволяетъ далеко видѣть. Впереди у чугунной рѣшетки, что по скалѣ протянулась, монахъ тоскливо смотритъ въ озеро, туда, гдѣ за широкой водяной дорогой лежитъ родная сторона, гдѣ брошено навсегда самое дорогое, что есть у человѣка: семья, чуткое сердце, первый лепетъ ребенка, родныя могилы... Далекъ отъ монаха этотъ родной край, гдѣ среди полей и лѣсовъ затерялись родные уголки, насиженные мѣста, и туманный берегъ земли только лишній разъ заставитъ сердце забиться тихимъ чувствомъ грусти.

— Господи Боже нашъ, помилуй насъ... — и хлопъ въ то же время ногой въ дверь. Братъ Василій вноситъ трапезу.

— Къ чему это вы съ молитвой и въ то же время ногой дверь вышибаете?

Послушникъ смѣется. — Привычка, конечно... а все пользительно лишній разъ молитву сказать. Хоть и безъ чувства, а взыскано будетъ...

— Ну, это положимъ...

— Т. е., какъ это положимъ?.. Вѣрно говорю, что зачтется... Братъ мнѣ одинъ сказывалъ: «Сталь

// л. 81

я, говоритъ, сомнѣваться такъ-то, духъ зла и поселился въ душѣ-то моей и давай ее мучить... такъ и шепчетъ: «не молись! не молись походя!»... Что за оказія, думаю... какъ бы въ ересь не впасть. Пошелъ къ старичку-схимонаху — а мудрѣющій старичокъ былъ, теперь умеръ. — Старичокъ такъ на меня и воззрился... И вижу я по всему, что знаетъ онъ, какъ у меня въ сердцѣ духъ зла себѣ гнѣздо вьетъ... «Молись, говоритъ, молись!» Я ему въ ноги и все выложилъ.

¹⁵⁴ Далее было: отъ тревожныхъ впечатленій дня

Тутъ онъ меня благословилъ и говорить: — «Кайся! говорить. — Вотъ тебѣ по 500 поклоновъ на день за суемудріе... Да вотъ, говорить, я тебѣ одну штуку расскажу». — Ну ужъ и сказалъ, потому ума не обыкновеннаго былъ старичокъ, а въ родѣ прозрѣвателя...

— Что же онъ рассказалъ то?

А вотъ что... Была, говорить, у попа учоная птица, попугай — зовомая, потому красныя пѣрья на хвостѣ носить... Ну и зналъ тотъ попугай слова разныя читать, а особливо «Господи помилуй»... Ну, хорошо-сь. И случись тому попугаю улетѣть отъ попа. Взвился высоко въ небо, а за побѣгъ посланъ былъ на него ястребъ... Цапъ-царапъ его сверху, за спину-то... Попугай-то какъ запищитъ да со страху и махни: «Господи помилуй!» Ястребъ-то, какъ услыхалъ, со страху-то и выпустилъ попугая. — Вотъ штука

// л. 82

то какая... Мудрый старичокъ у насъ былъ. — Ты, говорить, хошь и безъ вниманія, а читай: одинъ звукъ спасаетъ...

— Господи Боже нашъ, помилуй насъ... — слышится наскоро и съ отгѣнкомъ раздраженія молитва за дверью, и, не дожидаясь отвѣта, входитъ о. Антипа.

— Чего застрялъ?! — шутливо-строго пугнулъ онъ словоохотливаго брата Василія.

— Ну, какъ ночь провели? — мягкимъ голоскомъ спросилъ меня о. Антипа.

— Ничего... только вотъ жестко больно.

— Жостко?! — укоризненно сказалъ о. Антипа. — А тамъ-то, тамъ мягко намъ будетъ,¹⁵⁵ а?.. Пагуба эти перины пуховыя.

— Да чѣмъ пагуба-то?

— Какъ чѣмъ... отъ Бога отводятъ... Тѣло нѣжится, а душа то въ потемкахъ блуждаетъ... А стихъ то что сказываетъ?

— Какой стихъ?..

— Какой!!.. — о. Антипа головой покачалъ... — «Человѣкъ, яко трава, днѣ его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтаетъ, — яко духъ пройдетъ въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего»...

— Ну, такъ что же?

— А вотъ тоже... Смысль-то каковъ?.. Не спи, значить, не давай покоя тѣлу твоему, потому оно — прахъ, и душа не узнаетъ его, когда изъ тѣла поидетъ... Значить, о душѣ пекись. А

// л. 83

матрасы да перины — тѣлу благо, погибель душѣ. Къ чему только міръ идетъ? У насъ тамъ только мамона ублаговоряютъ... а о душѣ то... душу то и забыли. Духъ то и немощень выходитъ.

— А у васъ?

¹⁵⁵ Вместо запятой был вопросительный знак.

— У насъ по писанію: духъ бодръ, плоть же немощна... А у васъ какой духъ то? какой?.. э-эхъ!!

— Да вы бывали у насъ то?

— Не бывалъ и бывать не хочу... Я вотъ 40 лѣтъ на Валаамѣ, парнишкой пришелъ... а міра вашего и знать не хочу...

О. Антипа плюнулъ и улыбнулся.

— А теперь намъ надо уставъ соблюсти, къ отцу игумену объявиться, благословенія на жительство попросить. Тамъ у васъ сейчасъ видъ подавай и полиція, а у насъ благословеніе... по-Божьему у насъ... Приходи убогій, приходи нищій, приходи безпачпортный — всѣмъ благословеніе и уголь... Потому нѣсть на лица зрѣнія у Бога.

О. Антипа представлялъ собой любопытный типъ валаамскаго монаха-хозяина, у котораго нѣтъ минуты свободной, который глядитъ во сто глазъ, дѣлаетъ во сто рукъ. Онъ всегда въ суетѣ. Если онъ не распоряжается, онъ наблюдаетъ, изучаетъ все, что видитъ передъ собой. Онъ соображаетъ, такъ ли это, служить ли интересамъ монастыря, не нарушаетъ ли правильнаго теченія монастырскаго обихода. Встрѣ-

// л. 84

чая новое лицо, онъ однимъ взглядомъ рѣшаетъ, что это за птица, будетъ ли отъ него какой прокъ. И если прокъ будетъ, о! тогда о. Антипа знаетъ, какъ повести дѣло... Тогда онъ предложитъ и келейку вымыть, и печку протопить, и за талию отечески обниметъ, и о здоровьѣ справится, и веселой улыбкой подаритъ, и ручку пожметъ... Не въ осужденіе о. Антипы говорю я это: это характеризуетъ его, какъ опытнаго хозяина-монаха. Онъ всецѣло преданъ монастырю, онъ чувствуетъ себя важнымъ винтикомъ монастырскаго механизма и настолько любитъ это *свое* дѣло, что¹⁵⁶ даже отказался отъ іеромонашества, чувствуя, что тогда онъ долженъ измѣнить своему дѣлу. Онъ убѣжденъ, что всегда надо быть на высотѣ своей задачи. **МАРГИНАЛИЯ**

— А какой я іеромонахъ буду, ежели среди мірянъ въ гостинницѣ останусь... Тутъ грѣха то сколько!... Либо іеромонахъ, либо гостинникъ... Да и по привыкѣ я къ *своему* дѣлу то.

Мы прошли въ монастырскія ворота, вступили въ первый внѣшній четырехугольникъ зданій, потомъ прошли вторыя ворота и очутились во внутреннемъ четырехугольникѣ, среди котораго, на обширной площади, высился граціозный соборъ. О. Антипа

// л. 85

ввелъ насъ въ покои игумена Гавріила, помѣщающіеся противъ паперти въ двухъэтажномъ корпусѣ внутренняго четырехугольника.

¹⁵⁶ *Далее было:* когда

Одѣтый въ бѣлую ряску привратникъ молча отворилъ намъ стеклянную дверь и съ молчаливымъ поклономъ впустилъ въ прихожую.

Старушка-богомолка, съ морщинистымъ безкровнымъ лицомъ, смиренно притаилась въ уголку, дожидаясь о. игумена. Мы прошли въ первую комнату. Потолокъ сводами, стѣны выкрашены, на окнахъ исполинская арма и фикусы. По стѣнамъ¹⁵⁷ нѣсколько видовъ валаамскихъ, преподнесенныхъ г. г. художниками, проживающими на даровыхъ харчахъ цѣлые мѣсяцы на гостепріимномъ Валаамѣ... Между двухъ оконъ, въ рѣзной дубовой рамѣ — портретъ строителя валаамскаго, игумена Дамаскина, гравированный¹⁵⁸, изъ уваженія, самимъ Иорданомъ. Возлѣ старинныхъ часовъ въ футлярѣ, громко отсчитывавшихъ тягучее валаамское время, стоялъ молодой послушникъ, печально опустивъ голову: видно ожидалъ труднаго послушанія за провинность... По временамъ, когда въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги, онъ вздыхалъ и еще ниже опускалъ блѣдное лицо свое. О. Антипа¹⁵⁹ стоялъ въ дверяхъ и шептался съ привратникомъ. Старушка, до того времени безмолвно стоявшая въ уголку прихожей, слышавъ шаги въ со-

// л. 86

сѣдней комнатѣ, двинулась было въ зальце, но всевидящій о. Антипа, растопыривъ руки. Загородилъ ей дорогу.

— Куда прешь-то, куда? Стой, гдѣ показано... Не велика птица — и тамъ постоишь... Ишь сору то что на ногахъ везешь...

Старушка опѣшила и осталась въ передней, а о. Антипа опять зашептался съ привратникомъ.

Наконецъ изъ боковой комнаты вышелъ о. игумень Гавріиль, начальникъ Валаамскаго монастыря и его владѣннй.

Игумень — коренастый шатѣнь высокаго роста съ умнымъ¹⁶⁰ лицомъ и добрыми глазами. Улыбка его какая-то принужденная, грустная, точно ни одна страсть, ни одно пылкое желаніе не возмущало его духа. Онъ говоритъ тихо, медленно, видимо обдумывая, пойдетъ ли къ дѣлу то, что онъ скажетъ, да и стоитъ ли говорить... Вся его фигура: лицо, глаза производили впечаталѣннйе добродушія, думы, чистоты и располагали къ нему.

Игумень благословилъ насъ и старушку, за которой о. Антипа ревниво слѣдилъ, боясь, какъ бы она не переступила порогъ зальца¹⁶¹. Послушникъ, земно поклонившись о. игумену, продолжалъ стоять у часовъ. О. Гавріиль пригласилъ насъ къ себѣ на чай, поданный въ гостинную, и это обсто-

// л. 87

¹⁵⁷ По стѣнамъ *вписано*.

¹⁵⁸ *Вместо*: гравированный — *было*: гравированнаго

¹⁵⁹ *Далее было*: молча

¹⁶⁰ *Далее было*: вдумчивымъ

¹⁶¹ *Далее было*: и не навезла сора

ятельство, какъ я замѣтилъ, произвело впечатлѣніе на о. Антипу, который моментально исчезъ, потянувъ за собой все еще мявщуюся въ передней старушку...

Мебель гостиной стариннаго фасона, тяжеловѣсная, краснаго дерева, овальный столъ и опять часы съ курантами. Надъ столомъ большая картина Шишкина, изображающая группу острововъ Валаамскихъ, писанная художникомъ версты за двѣ въ морѣ. Видна вся грандіозная прелесть архипелага: дремучіе лѣса на скалахъ и бѣлый монастырь на скалистыхъ утесахъ. Виденъ скитъ Никольскій, чорный гранитъ горъ и зелень вѣчнаго лѣса, и колокольня скита Всѣхъ Святыхъ, и серебряная чайка надъ голубой поверхностью Ладоги... Видно, какъ лѣплятся одинъ къ другому островки, сливаясь въ общую группу... Видно только общее, прекрасное, но не видно многого, что трудно показать сразу — взмахомъ пера, мазкомъ кисти.

Это — цѣлое царство лѣсовъ, скалъ, острововъ, голубыхъ проливовъ и молчаливыхъ заливовъ, спокойныхъ озеръ, окруженныхъ вѣковыми деревьями, извивающихся лѣсныхъ дорогъ, крестовъ гранитныхъ и деревянныхъ церквей на островахъ, — цѣлое царство сказки, мечты, чудное, неопишное, неуловимое...

Разговоръ нашъ съ о. игуменомъ вертѣлся въ общихъ фразахъ, какъ обыкновенно бываетъ¹⁶², когда сталкиваются люди, раньше другъ друга не знавшіе¹⁶³.

// л. 88

О. Гавріиль оказался очень радушнымъ и предупредительнымъ, познакомилъ насъ вкратцѣ съ условіями Валаамской жизни и на прощанье благословилъ все осмотрѣть.

— У насъ есть, что посмотрѣть... Вотъ соборъ отстроили... Тамъ у насъ и школа живописная. Своими средствами весь храмъ расписали... Мастерскія наши посмотрите.

Потомъ о. игумень спрашивалъ насъ о Москвѣ.

— А Донской монастырь знаете?

— Какъ же...

— Я тамъ мальчикомъ въ духовномъ училищѣ учился... Мнѣ Москва то — родная сторона... — и грустно улыбнулся. — Хозяйство у насъ большое, производства разныя, машины, великія памятники дѣятельности покойныхъ игуменовъ — Дамаскина и Θонафана.

Получить разрѣшеніе не осмотрѣть владѣній валаамскихъ было весьма важно для насъ¹⁶⁴, ибо безъ благословенія игумена на Валаамѣ, что называется, нельзя и шагу шагнуть... Ни одинъ монахъ безъ благословенія о. игумена и показывать не поведетъ. Иногда за недосугомъ игумена обязанность или вѣрнѣе право

¹⁶² *Далее было:* тогда

¹⁶³ *Вместо:* раньше другъ друга не знавшіе — *было:* въ первый разъ въ жизни встрѣчающіеся

¹⁶⁴ *Вместо:* Получить разрѣшеніе не осмотрѣть владѣній валаамскихъ[, данное о. игуменомъ] было весьма важно для насъ — *было:* Мы радушно простились съ игуменомъ Гавріиломъ, [польщенные] /благодарные/ ему за позволеніе все осмотрѣть. Это разрѣшеніе

благословлять принимаетъ на себя о. Антипа, старожиль монастыря, но и то съ большими ограниченіями.

Въ монахахъ валаамскихъ я наблюдалъ очень интересную черту, причину которой съ перва-¹⁶⁵

// л. 89

го взгляда трудно найти, но, присмотрѣвшись поближе къ суровой жизни иноковъ, къ ихъ составу, начинаешь понимать, почему это такъ... Я говорю о той скрытности, о той замкнутости, даже грубости, которыя тянется въ каждомъ почти монахѣ, проживавшемъ на Валаамѣ нѣкоторое время; даже новички быстро, изъ подражанія, усваиваютъ эту интересную черту... На Валаамѣ есть что посмотреть, надъ чѣмъ пораздумать, а между тѣмъ вы рѣдко отъ кого услышите хвастливую фразу... Какая то суровая простота, скрытность, способность ничему не удивляться — отличительная черта иноковъ валаамскихъ¹⁶⁶, точно иначе и быть не можетъ... Придетъ новый человекъ на Валаамъ, попросится въ число братіи, попривыкнетъ ко всему и настолько войдетъ въ колею валаамской жизни, уйдетъ въ работу, что даже перестанетъ сознавать происходящее передъ его глазами... Трудъ цѣликомъ захватилъ его, и когда вы войдете въ мастерскую, гдѣ онъ трудится у станка, у печи, у машины, онъ уже и головы не подниметъ и не глянетъ на васъ. Причиной всего этого та обстановка, въ которой они живутъ¹⁶⁷, чисто машинная,¹⁶⁸ лишенная созерцанія дѣятельность, постоянный урокъ, вѣчная работа, строгій уставъ, которому они рѣшили добовольно подчиниться. Я наблюдалъ эту черту въ то время, когда строгій уставъ монастырскій, точно по инерціи, безъ вся-

// л. 90

каго внѣшняго принужденія соблюдался братіей, когда¹⁶⁹ строгое правленіе игумена Дамаскина заслонило хозяйственной дѣятельностью Іонафана и Гавріила. Этотъ строгій уставъ произвелъ надъ братіей «равненіе подъ одно», придавъ каждому члену ея общія черты, уничтожилъ или сгладилъ индивидуальныя склонности.

Этому равненію очень способствовалъ и однообразный составъ: крестьянскій элементъ составляетъ 95 % всей братіи.

ГЛАВА VI.

Передъ нами Валамскій соборъ уходитъ въ небо своей тридцати-трехъ-саженной колокольней. Величественная масса на гранитномъ фундаментѣ; черныя

¹⁶⁵ На полях справа запись, не относящаяся к тексту: Сорокъ

¹⁶⁶ *Вместо:* отличительная черта иноковъ валаамскихъ — *было:* самое обыкновенное дѣло на Валаамѣ

¹⁶⁷ *Далее было:* та

¹⁶⁸ *Далее было:* дѣятельность,

¹⁶⁹ *Далее было:* время

гранитныя колонны въ окнахъ, гранитныя кресты на стѣнахъ, гранитное крыльцо паперти, поддерживаемое массивными колоннами. Голубые купола затерялись въ небѣ, кресты горятъ такъ, что больно смотрѣть на нихъ. И вся эта величественная, прекрасная въ гармоническомъ сочетаніи отдѣльныхъ частей масса¹⁷⁰ сооружена иноками, тѣми иноками, которые такъ смиренно раскланиваются съ вами, покрытые бѣлыми и сѣренькими потрепанными рясками. Всѣ матеріалы добыты и обработаны на Валаамѣ своими трудами, все до послѣдняго гвоздя вышло изъ мастерскихъ валаамскихъ. Соборъ былъ заложенъ лѣтомъ 87 года, а въ 1890 году былъ оконченъ вчер-

// л. 91

нѣ. Съ 1891 года началась внутренняя его¹⁷¹ отдѣлка,¹⁷² и лѣтомъ 95¹⁷³ нижній храмъ былъ совершенно готовъ¹⁷⁴... Глубокимъ притворомъ вступили мы въ первый этажъ собора. Стѣны, своды, колонны расписаны прихотливыми узорами, херувимами, звѣздами, картинами изъ библейской исторіи. Изящный иконостасъ, въ которомъ золото перемѣшалось съ голубой, бѣлой и красной краской, представляетъ собой съ большимъ вкусомъ сдѣланное сочетаніе рѣзныхъ колонокъ, причудливыхъ узоровъ въ русскомъ вкусѣ и витіеватыхъ разводовъ... Вправо, между двумя четырехугольными колоннами — серебряная рака съ мощами преп. Сергія и Германа.

— Скажите, пожалуйста, иконостасъ вашей работы? — спросилъ я старика-монаха.

— Да... работа братіи.

— И иконы?

— И иконы...

— И кресты на соборѣ?

— Да... — и сталъ спокойно перебирать четки.

— Чудодѣйственно? — шепнулъ мнѣ стоявшій рядомъ странникъ и даже глазомъ подмигнулъ. Тутъ не то еще увидите. Я вотъ 34-й день здѣсь, а и то надивиться не могу... Исходилъ я землю россійскую, можно сказать, во вся концы, какихъ-какихъ монаховъ не видалъ: и въ очкахъ, и господь, а вѣдь ничего подобнаго не обрѣлъ... Трубу вѣдь на колокольнѣ воздвигли.

— Какую трубу?..

// л. 92

— Замѣчательную трубу. Питеръ, сказываютъ, въ еѣ видень... Для спасенія пароходовъ...

¹⁷⁰ масса *вписано*.

¹⁷¹ его *вписано*.

¹⁷² *Далее было: двухэтажнаго собора*

¹⁷³ и [въ] лѣтомъ 95 *вписано*.

¹⁷⁴ *Вместо: нижній храмъ былъ совершенно готовъ — было: совершенно готовъ былъ нижній храмъ*

— Какъ же это такъ «для спасенія?»

— Туманъ теперича на озерѣ... Не идетъ пароходъ, а надоть бы ему притти... Монашекъ тутъ у нихъ и приспособленъ для этого случая... Ну и лѣзетъ онъ на самую высь, къ кресту, сядетъ тамъ да въ тую трубу и глянетъ... И увидитъ монашекъ пароходъ скрозь туманъ, и сичасъ затрезвонятъ во всѣ колокола. Пароходъ и бѣжитъ на звонъ, и чувствуетъ, а безъ звону то по туману¹⁷⁵ онъ и мимо пролетѣть можетъ али на камень наскочитъ... Вотъ труба-то какая... Мозгуютъ монашки здорово отъ постной то пици...

— Почему же отъ постной?..

— А то какъ же не отъ постной? Если бы они сыты были, рази додумались бы до трубы?.. нипочемъ... все бы ко сну тянуло, какъ въ прочихъ монастыряхъ. А какъ голоденъ то человекъ, онъ и почнетъ штуки выкидывать на слободѣ то и изворачивается... Да здѣшній монахъ до всего дошлый... Скалы порохомъ-гинамитомъ рветъ, воду на гору машиной тянетъ да и благолѣпіе...

Поютъ аеонскимъ напѣвомъ довольно стройно. Игумень Гавріиль любитъ церковное благолѣпіе и особенно налегаетъ на живопись. Его стараніями улучшена «живописная»,¹⁷⁶ расписанъ соборъ и многіе храмы въ скитахъ.

// л. 93

Недалеко отъ раки, возлѣ гранитнаго подоконника — высокая согнутая фигура схимонаха. Я долго ждалъ, когда же наконецъ подниметъ онъ голову, но схимонахъ точно застылъ, точно пыталъ плоть свою. И такъ всю долгую службу... Кончалась литургія.¹⁷⁷

Я поднялся по широкой гранитной лѣстницѣ во второй этажъ храма. Внутренняя отдѣлка великолѣпнаго храма Преображенія не была закончена, и работа кипѣла во всѣхъ пунктахъ. Подмости во всю вышину храма представляли собой цѣлый лѣсъ перекладинъ, лѣстницъ, настилокъ съ движущимися фигурами въ бѣлыхъ рясахъ. Клали штукатурку, разрисовывали стѣны, строили хоры. Направо въ углу на положенныхъ на козлы доскахъ пріютилась школа живописи. Человекъ 10 подростковъ въ рясахъ, монашонковъ, какъ ихъ называютъ богомольцы, срисовываютъ съ гравюръ, тушуютъ... Смиреніе, дисциплина монастырская сообщилась и имъ: ни одинъ изъ нихъ, изъ этихъ дѣтей съ бѣлокурыми волосами и ясными глазками¹⁷⁸, не поднялъ головы, не оставилъ своего дѣла. Только осторожные взгляды, которые они бросали на насъ¹⁷⁹, говорили, что имъ порядкомъ надоѣла работа.

// л. 94

¹⁷⁵ *Далее было:* то

¹⁷⁶ *Далее было:* и

¹⁷⁷ *Далее было:* Густой толпой повалилъ народъ въ трапезную, помѣщавшуюся противъ собора при церкви.

¹⁷⁸ *Вместо:* глазами — *было:* глазками. *Далее было:* ребенка

¹⁷⁹ *Вместо:* бросали на насъ — *было:* вскидывали на насъ

Кстати замѣчу, въ какія ненормальныя¹⁸⁰ условія поставлено ихъ обученіе. Суровый уставъ, гласящій, что праздность — злѣйшее зло, примѣняется и къ этимъ росткамъ человѣчества, живая натура которыхъ проситъ игръ, тепла, свѣта, ласки... Какіе они всѣ блѣдные, почти прозрачны!.. Въ 6 ч. встаютъ и работаютъ до 10. Отъ 10—12 они обѣдаютъ, исполняютъ нѣкоторыя обязанности по кухнѣ (чистка рыбы) и отдыхаютъ. Съ 12—3 рисуютъ, потомъ 1 часъ на чай и опять работа до 7—8 ч. вечера. Цѣлый день работы, сидя¹⁸¹ на одномъ мѣстѣ, въ согнутомъ положеніи, въ атмосферѣ, переполненной запахомъ красокъ и масла (съ соборѣ пишутъ стѣны) и когда же? — въ лѣтнюю пору, когда солнце такъ весело играетъ въ синихъ проливахъ, отдыхая на зеленыхъ вершинахъ сосноваго лѣса, когда воздухъ такъ прозраченъ, что залетѣвшая въ глубокую синеву ласточка ясно видна, когда отъ скалъ, лѣсовъ, водъ, даже отъ скучныхъ зданій монастырскихъ вѣетъ жизнью... А блѣдные монашонки съ прозрачными, исхудалыми отъ постной пищи и работы лицами сидятъ среди пыльных подмостковъ¹⁸² и пишутъ, и тушуютъ, и мажутъ, мажутъ, и, кажется, никогда не будетъ конца этой ихъ мукѣ...

— Ты что, Степа, опять по сторонамъ смотришь?.. — говоритъ наставникъ, о. Лука. — Лѣнишься... А еще исправиться обѣщаль...

// л. 95

И мальчикъ нагибается и тщательно начинаетъ вырисовывать зрачокъ одинокаго глаза. А солнце глядитъ въ широкія окна собора и мѣшаетъ писать, стусевывая штрихи и тѣни; блѣдные мальчики жмурятся, а пушистые, разогрѣтые горячимъ¹⁸³ солнцемъ воробьи назойливо орутъ и летаютъ стайками подъ карнизомъ храма.

Право, думается мнѣ, лучше бы этимъ дѣтямъ съ блѣдными сосредоточенными лицами, на которыхъ монастырскій режимъ наложилъ свою тѣнь, право, лучше бы имъ бѣгать теперь по берегамъ озера въ виду блѣдныхъ корелльскихъ деревушекъ, плескаться въ синихъ волнахъ Ладоги, сидѣть на раскаленныхъ верхушкахъ подводныхъ камней, терпѣть недостатки и блѣдность, чѣмъ сидѣть¹⁸⁴ въ тепломъ углу монастырскомъ и вѣчно рисовать и чертить надоѣвшіе глаза, зрачки, носы, губы...

Многіе изъ этихъ ребятишекъ, по словамъ о. Луки, подають большія надежды. Мальчуганъ 12 лѣтъ уже бойко расписываетъ стѣны храма, рядомъ со взрослымъ монахомъ. Малышъ 10 лѣтъ при мнѣ закончилъ копированье съ гравюры и, право, я думаю, очень было бы трудно сказать, гдѣ копія... Толстый монахъ, стоя на подмосткахъ, старательно мазалъ на стѣнѣ группу фарисеевъ, стараясь придать ихъ

¹⁸⁰ *Вместо: ненормальныя — было: тяжкія*

¹⁸¹ *Далее было: въ*

¹⁸² *Далее была запятая.*

¹⁸³ *горячимъ вписано.*

¹⁸⁴ *сидѣть вписано.*

лицамъ побольше звѣроподобности. Потъ катился съ него градомъ, а онъ только встряхиваль волосами и мазаль... мазаль съ увлеченіемъ. Мы прошли подъ подмостками. Изъ цѣлой сѣтки перекладинъ вынырнулъ худой старикъ монахъ высокаго роста, какой то сѣрый, точно мохомъ обросшій, съ впалыми глазами и глухимъ, загробнымъ голосомъ быстро-быстро, постоянно сбиваясь, сталъ пояснять намъ содержаніе стѣнной живописи, вдаваясь въ подробности.

— Вотъ это фарисеи... Ишь у нихъ носы-то какіе горбатые... извѣстно, не какъ у насъ... А вотъ это притчу изображаетъ...

И онъ сбивчиво начинаетъ рассказывать евангельскую притчу, перевирая слова Евангелія. Потомъ о. Ѳеодуль повелъ насъ на колокольню по широкой гранитной лѣстницѣ, уставленной лѣсами. Навстрѣчу намъ попадались¹⁸⁵ монахи съ шайками извести и кирпичами. Мы поднимаемся въ первый пролетъ. Здѣсь виситъ громадный колоколъ въ 1000 пудовъ, отлитый при Дамаскинѣ.

— Это Андреевскій колоколъ... — говоритъ о. Ѳеодуль. — Звонъ отъ его больно хорошъ... Сказываютъ такъ, что за 50 верстъ, въ самой Финляндіи слышно.

— Почему же онъ «Андреевскій»?

— А по апостолу Андрею Первозванному. Доподлинно не извѣстно, а пишутъ, быдто онъ на нашъ Валаамъ заходилъ и крестъ на горахъ Валаам-

скихъ водрузилъ, и капища идольскія попраля... Вѣдь что здѣсь допрежь было то... тьма! Идолы стояли по пригоркамъ. А пришелъ Андрей то Первозванный и возвѣстилъ... И, по писанію, «во всю землю изыде вѣщаніе и въ концы вселенныя глаголы его...» Игумень Дамаскинъ и возгорѣлся... Быть, говоритъ, колоклу сему въ честь Андрея Первозваннаго, потому и отъ него, говоритъ, вѣщаніе идетъ во всѣ концы: и къ чухломѣ невѣрной, и корелѣ и всей странѣ окрестнѣй... И звонъ же у его... ма-а-линовый!.. Вотъ ночью какъ на Пасху вдарить — и... Боже мой!.. Несется гуль по лѣсамъ да скаламъ, по озерамъ да берегамъ... на островахъ отзывается... въ морѣ пропадаетъ... Славимъ Господа Бога по мѣрѣ силъ нашихъ... Такъ и пророкъ Исаія говоритъ: «Да воздадутъ Господу славу и хвалу Его на островахъ да возвѣстятъ...»

На колоколѣ изображеніе Троицы, Божіей Матери и святыхъ, а внизу надпись: «Велій Господь и хваленъ зело во градѣ Бога нашего, въ горѣ Святѣе Его».

Я посмотрѣлъ въ пролетъ. Видѣнъ весь монастырь съ своими многочисленными постройками, проливъ, пристань, пароходикъ «Святитель Николай», попыхвающій дымкомъ у пристани, возлѣ него два маленькіе монаха. Посреди тихаго пролива недвижно стоитъ сойма.

¹⁸⁵ Далее было: съ

— На этомъ то колоколѣ... — сказалъ вдругъ о. Ѳедуль — чудо¹⁸⁶ оказалось!

— Чудо?

— Вѣра дивная, горами двигающая. Потому состоимъ мы въ отсѣченіи воли своея и что приказано намъ — исполняемъ, ежели и не разумѣемъ, а по вѣрѣ все намъ дано есть...

Сказавъ такую длинную фразу, о. Ѳедуль перевелъ духъ и устался на меня глазами, ожидая, какое впечатлѣніе произвела на меня его рѣчь.

— Какое же чудо-то?

— Ну, чудо оно, положимъ, не чудо, а и чуду не уступить. У насъ вѣдь какъ... Пришелъ человекъ въ монастырь, — сейчасъ спрось: что работать знаетъ... Ну да мало, кто знаетъ, — все мужички больше... Ну, сейчасъ его къ дѣлу и приспособятъ, и присматривается мужичокъ... Сейчасъ о. игумень и посылаетъ на послушаніе: иди, молъ, и орудуй... Тотъ, хоть и не умѣетъ, а идетъ — поковыряется и сдѣлаетъ. Потому вѣра да молитва... Такъ вотъ и о. Леонидъ теперь — въ кузницѣ... Литейщикомъ былъ и возревновалъ: мало, говоритъ, мнѣ дѣла въ литейной. Пошелъ къ о. игумену... «Благословите, батюшка, въ кузницѣ поработать». — О. Дамаскинъ и благословилъ... «Иди, говоритъ, только духомъ не возгордись...» Ладно... Ну, работаетъ тамъ подковки, гвоздочки и все такое... А къ тому времени привезли изъ Питера колоколъ въ тыщу пудовъ — вотъ этотъ самый... Ввезли

// л. 99

на гору, поставили у часовни... Надоть теперь его на столбы повѣсить, потому соборъ еще не начинали¹⁸⁷ сооружать, а только матеріалы заготовляли... Какъ на грѣхъ, хозяинъ то кузницы, — монахъ, въ больницѣ лежалъ... Вотъ игумень Дамаскинъ и посылаетъ казначея къ о. Леониду... — «Возвѣсти ему, говоритъ, чтобы сковалъ восемь хомутовъ, чтобы колоколъ на столбахъ держали...» Пришелъ о. казначей къ о. Леониду и возвѣстилъ ему: «Благословилъ тебя игумень хомуты для колокола копать...» — О. Леонидъ гвоздочки да подковки ковать только и умѣлъ... Убоялся, заплакалъ. — Не могу, говоритъ, я сеѣ послушаніе принять... Не токмо што, говоритъ, ковать, а и видать-то не видалъ, какіе такіе хомуты бываютъ!! — Пошелъ о. казначей къ игумену и возвѣстилъ... — Иди и возвѣсти, говоритъ игумень Дамаскинъ, чтобы дѣлалъ хомуты... Благословляю я его. — Пошелъ о. казначей... О. Леонидъ плачетъ, въ ноги кланяется игумену, чтобы снялъ съ него послушаніе... Возвѣстилъ игумену о. казначей. Подумалъ о. Дамаскинъ... на молитву сталъ... — Иди, говоритъ, возвѣсти о. Леониду: сдѣлаетъ онъ хомуты... благословляю я его... Только чтобы духомъ не превозносился. — Что дѣлать?.. Поклонился о. Леонидъ... — Принимаю, говоритъ, благословеніе... стану дѣлать хомуты... Только покажите, какой видъ-то у нихъ... — О. казначей рисовать умѣлъ... сталъ ему на бумагѣ показывать... — И што только сдѣлалось тутъ со

¹⁸⁶ Далее было начато: совс

¹⁸⁷ Далее было: еще

мною... — самъ такъ о. Леонидъ рассказывалъ. — Точно просвѣтлѣніе меня вдругъ осіяло... — Что же бы вы думали, — вдругъ воззрился на меня о. Ѳеодуль, — вѣдь состроилъ хомуты то... да расчудесные... Мастера изъ Питера прїѣзжали — дивились... Барину одному сказывалъ я, такъ онъ мнѣ такое слово сказалъ и-и... Обида — вотъ что...

А что?

— Да чудно больно... прямо видно, что изувѣрь¹⁸⁸. Это, говоритъ, сотрясеніе въ немъ было... ровно во снѣ... Побоялся игумена да со страху и сдѣлалъ... А?.. со страху!!? А вы, какъ думаете?

Я промолчалъ.

— Такъ-то лучше, чѣмъ зря трепать-то¹⁸⁹. А дѣло то простымъ просто... Вѣра... откровеніе... Иди, куда приказываютъ, дѣлай, что возвѣстятъ. Сооружай хомуты — и соорудилъ... Въ сумлѣніе то онъ не вошелъ, а во всемъ на Бога подложился да на игумена-батюшку... Мы все такъ... Потому и процвѣтаемъ во благолѣпіи и нѣтъ лукавства въ насъ... Мы какъ пни безсловесные, потому что въ отсѣченіи воли пребываемъ.

О. Ѳеодуль умолкъ и сталъ ковырять пальцемъ въ своемъ длинномъ носу. Подъ нами на крышѣ собора ворковали голуби, разморенные жаркимъ солнцемъ, немолчно чирикали воробушки, а надъ куполами съ визгомъ и верестомъ носились стрижи, опускались на огнемъ горящіе¹⁹⁰ сквозные кресты,¹⁹¹ пролетали въ широкіе просвѣты и вдругъ цѣлой стайкой пропадали за колокольной...

Эти свободныя птицы, веселыя, звонкія, и этотъ угрюмый о. Ѳеодуль, гордый сознаниемъ своего обезволенія, — какъ странно это сопоставленіе!¹⁹²

— Выше полѣзете... — сказалъ о. Ѳеодуль. — Что это вы на птицъ то заглядѣлись? мало ли ихъ вездѣ... Вы вотъ на скиты то съ колоколенки гляньте, посмотрите, гдѣ наши схимонахи обрѣтаются, какъ они въ лѣсахъ живутъ, точно звѣри полевые, да хвалу Богу воздаютъ...

— Да молчать?..

— Да... и молчать, потому въ отсѣченіи воли. Молчи — и молчить.... Вотъ у насъ теперъ въ Предтеченскомъ скиту схимонахъ Василискъ второй годъ молчить...

— Только-то...

¹⁸⁸ *Вместо:* изувѣрь — *было:* дуракъ

¹⁸⁹ *Вместо:* зря трепать-то — *было:* чепуху молоть

¹⁹⁰ *Далее было начато:* рѣ

¹⁹¹ *Далее было:* и потомъ

¹⁹² *Вместо:* какъ странно это сопоставленіе! — *было:* какъ все это странно... Птица и человѣкъ

— А что?.. и больше промолчить... И 40 лѣтъ промолчить, и 50 промолчить... Сколько игумень накажетъ, до срока и молчать будетъ, и радостно ему будетъ... Слыхали небось про схимонаха то Иоанна, на Предтеченскомъ то острову жилъ?

— И слыхалъ, и читалъ...

— А!.. вотъ видите... У насъ какъ? Любилъ онъ съ добрымъ человѣкомъ поговорить... А у о. Дамаскина покойнаго все на виду, и задумалъ испытать...

— Да что же испытывать? Вѣдь и раньше о. Иоаннъ былъ великій подвижникъ...

— Да... — задумался о. Ѳедуль. — Такъ-то оно такъ, да о. Дамаскинъ мудрѣющій былъ: хотѣлъ въ еще пуще подвиги его внѣдрить. Призвалъ да и гово-

// л. 102

рить: — Считаю себя недостойнымъ съ людьми говорить — молчи... Разрѣшаю тебѣ съ Богомъ бесѣдовать да, когда придется, со мной али духовникомъ... — Да 14 лѣтъ такъ то...

— Я читалъ, что 9 только...

— Девять?.. нѣтъ, братъ, — невѣрно. Четырнадцать, хоть у игумена спроси, — четырнадцать цѣлыхъ лѣтъ... Ну, а потомъ игумень то батюшка, чтобы смиреніе то пуще испытать, и говоритъ: — «Недостойнъ ты, говоритъ, такой великій подвигъ нести... Говори опять, какъ и обычно»... — И не возропталъ тотъ, и опять по прежнему говорить сталъ. Ну-ка? у васъ то есть такіе?.. — сдѣлалъ вызовъ о. Ѳедуль.

— «Нѣтъ, думалось мнѣ, такихъ у насъ нѣтъ».

Мы влѣзли на самую высь. Надъ нами былъ еще одинъ этажъ, гдѣ стоитъ зрительная труба. Здѣсь я натолкнулся на одинъ характеризующій валаамскихъ монаховъ фактъ... Назначенный къ трубѣ послушникъ поднимался въ это отдѣленіе.

— «Позвольте и мнѣ съ вами...» — попросилъ я его.

— Нельзя... Игумень только меня благословилъ.

— Да меня игумень на все благословилъ...

— Не могу... я воленъ дѣлать только то, на что благословеніе получилъ. У насъ распоряженія не было пускать къ трубѣ.

О. Ѳедуль похвалилъ послушника.

// л. 103

Упражняйся, братъ Ляксандръ, упражняйся... И знаешь, что ничего трубѣ не сдѣлается... а нельзя, указа нѣтъ...

— «Указа нѣтъ»... «благословенія нѣтъ» — вотъ она прочная стѣна валаамская.

— Нынѣ еще ничего — послабленіе бываетъ, потому о. Гавріиль очень доброй души человѣкъ, къ мірянамъ не такъ строгъ... А вотъ при Дамаскинѣ то прута сломить не могли, камня поднять не смѣй. Богомольцевъ и на колокольню, и въ скиты не допускали. Монахъ къ рѣшоткѣ у кладбища подойти не могъ, на озеро поглядѣть.

Я подивился и въ душѣ поблагодарилъ о. Гавріила. Съ верхняго этажа колокольни, съ высоты 30 сажень, я видѣлъ весь архипелагъ валаамскій... Ладога обступила острова, Ладога врѣзалась въ нихъ голубыми проливами, точно совсѣмъ поглотить хочеть этотъ чудный уголокъ лѣсовъ и тихихъ горъ, среди которыхъ отшельники и молчальники живописно настроили среброглавыя и златоглавыя церкви... Какъ высоко я стою надъ живописной землей, точно въ небо уношусь къ солнцу жгучему, къ перистымъ тучкамъ, вмѣстѣ съ бкстрокрылыми ласточками плаваю надъ темными лѣсами, вольной птицей ношусь надъ синей водой, сливаюсь съ воздухомъ голубого пространства... Внизу все черно и пестро... внизу даже легкая дымка тымана, а тамъ, въ голубой дали — необъятность, безграничность, а вверху небо тоже необъятное, безграничное, глубо-

// л. 104

кое, далекое, нѣжно-прозрачное... Унести бы туда на крыльяхъ дымки туманной, ринуться въ бездонную сферу голубыхъ струй, поноситься надъ черной землей, что такъ спокойно раскинулась подъ голубымъ пологомъ, защищенная отъ страшной¹⁹³ необъятности... Спрятаться бы за холодную, снѣжную тучку и на ней, пожалуй, занестись куда-нибудь, забыть обо всемъ...¹⁹⁴

— Хорошо здѣсь! — вырвалось у меня.

— Чего же лучше... — стой и зри, коль славна вселенная, да о душѣ то помни... Помни, что рай то куды лучше, да не давай врагу человѣческому души то, а готовь её, пекись объ ей... Сказано: не прилѣпись къ сокровищницѣ... Ну. Посмотрѣлъ — и довольно, а о душѣ то не забывай... — заговорилъ позади меня о. Ѳедуль гробовымъ голосомъ, и на меня пахнуло точно мракомъ могилы.

— Вонь... — показалъ мнѣ о. Ѳедуль костлявымъ пальцемъ на раскинувшіеся за проливомъ лѣса, — скить Всѣхъ Святыхъ... тамъ у насъ схимонахи есть... Вонь — Предтеченскій... тоже схимонашекъ живетъ... А вонь — чуть видѣнь

// л. 105

— Коневскій... тоже схимонахъ обрѣтается — о. Сысой, прозорливецъ глубокомысленный... А вонь Ляксандра Свирскаго... Вотъ наша пустыня. Лѣса темные, кресты гранитные, церковки среброглавыя, крестами увѣнчанныя... Святые мѣста... Тишина у насъ, покой праведный душамъ. А кой человѣкъ съ воли, — духъ то въ немъ ходитъ непокойный, — и нѣтъ ему у насъ мира. Тихія обители не примаютъ его мятущагося духа... Своеволие въ немъ... Такъ-то вотъ...

— Какой же вы философъ, о. Ѳедуль! — засмѣялся я.

О. Ѳедуль покосился. Незнакомое слово задѣло его.

¹⁹³ *Вместо:* страшной — *было:* таинственной

¹⁹⁴ *Далее было:* Несись снѣжная тучка, быстрѣй, выше несись, уноси отъ земли въ необъятность, въ иные міры! Милый вѣтеръ! гони тучку! Нѣжныя струйки, жручите, пойте, заглушите стоны земные. Свѣтлое, горячее солнце! не бросай лучей на снѣжную тучку, лучше на землю свѣти: тамъ свѣту надо...

— Вотъ вы ишь что сказали!.. По вашему оно можетъ и оскорбительно, а мнѣ што... — чиста душа моя... Сумлѣнія не имѣю, суетудрія не приѣмлю... А почему вы такое слово непонятное сказали? почему? Потому что духъ въ васъ мятется... И слабости много въ васъ, мірянахъ то. Ишь высь то какая! Вамъ, чай, глядѣтъ страшно, а у насъ монашекъ одинъ кумпола¹⁹⁵ красилъ да молитвы нараспѣвъ вычитываль... А старичекъ лѣтъ подѣ шестьдесятъ¹⁹⁶. Примостился и вымазалъ кумполокъ¹⁹⁷... Вѣтромъ его, точно въ озерѣ, раскачивало о крышу-то, а ему и горяшка мало... А почему?

— Почему?

— Благословеніе... воли отсѣченіе. Лѣзь, о. Анфимъ! — говоритъ игумень, — онъ и лѣзетъ, и молитвы нараспѣвъ... А тридцать три¹⁹⁸ сажени.

Я вспомнилъ, что г. Немировичъ-Данченко, бывшій на Валаамѣ 17¹⁹⁹ лѣтъ назадъ, говорилъ объ о. Ан-

// л. 106

фимъ....

— Можно о. Анфима повидать? — спросилъ я о. Ѳедула.

О. Ѳедулъ головой покачалъ.

— Нѣтъ... Теперь о. Анфимъ горняя позналъ.

— Отъ старости?

— Нѣтъ.... Видно ужъ ему такъ отъ Господа начертано было, чтобы на послушаніи дни свои покончить... Съ крыши сорвался...

— Да неужели?

— Да. Съ 8 сажень махнулъ. Красилъ онъ въ скиту Іоанна Предтечи кумполокъ²⁰⁰, на дощекѣ стоялъ. Молитвы, какъ и всегда, пѣлъ. Схимонахъ Василискъ въ томъ скиту жилъ... Теперь онъ второй годъ молчитъ, а тогда еще говорилъ... Вотъ и идетъ схимонахъ то Василискъ мимо церкви... Идетъ это схимонахъ Василискъ мимо церкви, остановился да и говоритъ проникновенно таково: — О. Анфимъ! а, о. Анфимъ!.. Поправилъ бы ты дощонку то... Мотри, какъ бы грѣхомъ не сдвинулась!.. — Ну, а о. Анфимъ привыкъ по высямъ лазать, ему и нипочемъ 8 сажень... только головой качнулъ — ладно молъ. Только схимонахъ Василискъ отошелъ, онъ и ухнулъ внизъ, и покончился... Бедро раздробилъ и головой стресся... Ночью привезли въ монастырь... — стоналъ да охалъ, а къ утру преставился... Второй годъ, какъ²⁰¹ померъ... Ну, онъ прямо въ рай, потому на послушаніи животъ положилъ. А вотъ одинъ рабочій у насъ въ соборѣ съ кумпола ухнулъ, такъ

¹⁹⁵ *Вместо:* кумпола — *было:* купола

¹⁹⁶ *Вместо:* шестьдесят — *было:* 60

¹⁹⁷ *Вместо:* кумполокъ — *было:* куполокъ

¹⁹⁸ *Вместо:* тридцать три — *было:* 33

¹⁹⁹ *Вместо:* 17 — *было:* 16

²⁰⁰ *Вместо:* кумполокъ — *было:* куполокъ

²⁰¹ *какъ вписано.*

прямо по беззаконію... въ адъ...

— Какъ по беззаконію?

— Да такъ. Что они, рабочіе, дѣлають?.. Скоромятину жрутъ, всякимъ словомъ нехорошимъ ругаются на Божьемъ то дѣлѣ. Не какъ мы — со страхомъ и молитвой... Ну и ухнулъ прямо сверху да на кирпичи. Вонъ народъ изъ церкви пошелъ — въ трапезу пора.

Мы стали спускаться съ колокольни.

ГЛАВА VII.

На вершинѣ скалы, висящей надъ проливомъ, — старое монастырское кладбище. Бѣлая ограда отдѣлила его отъ монастыря,²⁰² бѣлая невысокая стѣна закрыла видъ на тихій проливъ Монастырскій... И за эту каменную стѣну, на это небольшое кладбище перебралась могильная тишина.

Я вошелъ въ ограду, — и сырость, и тишь, и печаль охватили меня, окутали²⁰³ своей траурной пеленой. Старые липы и клены закрыли тѣнью заросшія травой, сыростью пропитанныя могилы. Почти совсѣмъ нѣтъ памятниковъ надгробныхъ, несмотря на обиліе матеріала: — иноки не любятъ гробницъ... Гробницы не прибавятъ ничего къ ихъ земной славѣ. Круглые камешки на едва замѣтныхъ буграхъ...

«Послушникъ Василій. Преставился лѣта 1871, апрѣля въ²⁰⁴ 26-й день, 23-хъ лѣтъ отъ роду²⁰⁵» — читаю я на одномъ. Кто этотъ послушникъ Василій? Откуда онъ родомъ, зачѣмъ пришелъ²⁰⁶ на это сырое кладбище въ такіе

ранніе годы?» Сырой бугорокъ не дастъ отвѣта... —

Тихій уголокъ мертвыхъ прорѣзано валомъ: это тоннель, въ которомъ лежатъ водопроводныя трубы...²⁰⁷

Вотъ вдоль дорожки, подъ тѣнистыми вѣтвями кленовъ и липъ одна за одной лежатъ простыя каменные плиты. Всѣ похожи одна на другую, какъ и тѣ, что лежатъ подъ ними въ сгнившихъ сосновыхъ гробахъ. Это могилы схимонаховъ валаамскихъ, старцевъ могучихъ лѣтъ... Одиннадцать ихъ здѣсь лежитъ, — обитателей дебрей²⁰⁸, скитовъ пещеръ валаамскихъ, ревностныхъ пустынниковъ, постниковъ, молчальниковъ. Самому старшему 95 лѣтъ... Чему же научать насъ эти древніе старцы, посвятившіе жизнь свою на служеніе Богу? Что говоритъ о нихъ лѣтопись валаамская?

²⁰² *Далее было: чугунная рѣш*

²⁰³ *Далее было: меня*

²⁰⁴ *въ вписано.*

²⁰⁵ *23-хъ лѣтъ отъ роду вписано.*

²⁰⁶ *пришелъ вписано.*

²⁰⁷ *На полях справа помета: (нов. строка)*

²⁰⁸ *дебрей вписано.*

Если вѣрять сказаніямъ, это, дѣйствительно, герои аскетизма, стоики, мученики идеи, которую выработали, воспитали въ себѣ сами, могучіе характеры, сокровищницы воли гигантской. Жаль только, что унесли они²⁰⁹ изъ міра свои²¹⁰ могучія характеры; жаль только, что оставили²¹¹ по себѣ только эти надгробныя плиты да сказанья... Міръ вамъ, могучіе люди, сильные вѣрой, твердые духомъ, монахи! Спите, покрытые сырой землей, спрятанные отъ міра плитами камня, какъ при жизни прятались вы за камнемъ скаль гра-

// л. 109

нитныхъ, за мракомъ лѣсовъ дремучихъ.

Вспоминаютъ ли этихъ столповъ валаамскихъ оставленные ими сѣла, деревни, бѣдныя, захолустныя городки? Едва ли... Они ушли изъ міра, и міръ забылъ о нихъ. Родные ихъ давно уже спятъ на бѣдныхъ, бурьяномъ заросшихъ кладбищахъ. Родная рука поставила въ изголовье перекошенный крестъ, посадила вербочку, принесла яичко въ Христовъ праздникъ... А вы, схимонахи, забыты!.. Чужіе люди проходятъ мимо каменныхъ плитъ, читаютъ незнакомыя имена людей, укрывшихся отъ міра подъ чужимъ именемъ: Теофанъ сталъ Теокистомъ, Семень — Серафимомъ... А вѣдь каждый изъ нихъ, этихъ схимонаховъ, имѣлъ семью, имѣлъ свою исторію жизни, свои радости и печали...

Мнѣ жаль было этихъ людей, теперь уже истлѣвшихъ... Грустно было мнѣ, когда я думалъ, что каждый изъ нихъ мучился, боролся, страдалъ, стараясь изгнать изъ сердца дорогіе²¹², дорогія воспоминанія.

Я позволю себѣ привести краткія характеристики²¹³ старцевъ-схимонаховъ, заимствуя данныя изъ источниковъ валаамскихъ*.

Схимонахъ Сергій, напр., прожившій на Валаамѣ 60 лѣтъ и достигшій 80 лѣтъ, во всю свою жизнь въ банѣ не мылся и чаю не пилъ.

Схимонахъ Михаилъ, 52 года бывшій монахомъ проводилъ жестокою жизнь. Скудныя припасы его

* Валаамскіе подвижники» издание Валаамскаго монастыря.

// л. 110

Загнивали, покрывались плѣсенью, а онъ вкушалъ и приговаривалъ: ничего... все равно исполняютъ тѣлесную нужду». Въ концѣ жизни, перебравшись изъ скита въ больницу, онъ занялъ крошечную келейку и никогда не позволялъ её мыть. Вонь въ этой кельѣ была нестерпимая. Ему предлагали лѣкарства отъ тяжелой ломоты, но онъ не принялъ, сказавъ: «ничего — потерплю Бога ради». При отпѣваніи его, о. Дамаскинъ, услышалъ отъ его гроба «неизъяснимое благоуханіе». Тоже благоуханіе услышали многіе, когда гробъ опускали въ могилу. Поэтому на его

²⁰⁹ Они вписано.

²¹⁰ Вместо: свои — было: они

²¹¹ Далее было: они

²¹² Вместо: дорогіе — было: дорогія лица

²¹³ Далее была запятая.

камнѣ — надпись: «за годъ предвидѣвшій свою кончину и возблагодарившій изъ гроба». А вотъ схимонахъ Серафимъ... Онъ оставилъ жену и «вся красная міра». Чаю не пилъ, тѣла своего *никогда не обмывалъ*. Въ концѣ жизни отъ такого соблюденія гигиены со спины его сошла вся кожа, и страшная язва приводила въ ужасъ, но онъ даже не вздыхалъ отъ боли, а срывалъ ночью пластырь, наложенный на него силою. Передъ кончиною, по его словамъ, онъ видѣлъ Иисуса Христа и всѣхъ святыхъ. Когда скончался, отъ его тѣла, которое при жизни издавало тяжкій запахъ, разлилось благоуханіе. И въ такихъ условіяхъ жизни они ухитрялись доживать до 90 лѣтъ... Или они устроены иначе, чѣмъ мы, или ужъ тутъ чудо сказалось?

И теперь мирно спятъ подъ плитами могучіе старцы, успокоенные на вѣкъ послѣ такой тяжелой жизни. Старыя липы раскинулись надъ

// л. 111

ними и закрыли солнце. Плѣсень одѣла камни, и трава проросла изъ трещинъ, и упавшее зерно уже дало ростокъ. Тутъ же досужій монахъ изъ пня старой липы устроилъ кресло, чтобы прохожій сѣлъ отдохнуть около этихъ 11 плитъ и на досугѣ поразмыслилъ о бренности жизни.

На краю²¹⁴ кладбища, возлѣ стѣны монастырскихъ келій длинная, поросшая травой плита. На ней высѣчены стихи. Это могила краля Шведскаго, Магнуса II Смека.

Стихи на плитѣ, сочиненные монахомъ валаамскимъ лѣтъ сто тому назадъ, съ хронологическими данными, (совершенно невѣрными), рассказываютъ довольно фантастическую исторію короля — воина, по волѣ валаамскихъ монаховъ превратившагося въ схимонаха Григорія.

«Бывъ въ коронѣ, и схимою увѣнчался».

Правда ли все это? Исторія говоритъ намъ, что валаамскіе монахи находятся въ заблужденіи.

Не горя уже о невѣрныхъ хронологическихъ данныхъ, обозначенныхъ на плитѣ, король Magnus II Сmekъ едва ли бывалъ когда на Валаамѣ. Ему не до этого было. Хотя онъ, можетъ быть, и носилъ «шишакъ и латы», но характера былъ слабаго, жизнь велъ порочную и не умѣлъ пріобрѣсти расположенія народа. Онъ старался обезопасить себя отъ аристократовъ и большую часть своей жизни провелъ въ

// л. 112

этихъ стараніяхъ: не до Валаама ему было.

Онъ не могъ отлучиться изъ страны въ Россію изъ опасенія²¹⁵ потерять²¹⁶ престолъ, который легко могли захватить вліятельные аристократы... Наконецъ, онъ шесть лѣтъ просидѣлъ подъ замкомъ, потерявъ престолъ, и именно въ то

²¹⁴ *Далее было:* могилы

²¹⁵ *изъ опасенія вписано.*

²¹⁶ *Вместо:* потерять — *было:* потеряетъ

время, когда, по словамъ преданія, онъ надѣвалъ на себя схиму.²¹⁷ Отправляясь въ Норвегію, къ сыну своему Гакону, онъ утонулъ близъ Бергена.

Какимъ же образомъ явилось преданіе Валаамское? Это загадка. Можно сдѣлать только нѣсколько предположеній. Можетъ быть, старцы валаамскіе были обмануты и похоронили вмѣсто Magnus'а кого-нибудь другого,²¹⁸ выдавшаго себя за короля, можетъ быть, осуществили другое²¹⁹ преданье, исказивъ его. Рассказываютъ, что въ 1000 году король норвежскій Тригвасонъ былъ побѣжденъ датскимъ королемъ Свенономъ и бросился въ море. Онъ не погибъ, а достигъ острова Рюгена (на немъ и городокъ²²⁰ Бергенъ), оттуда²²¹ перебрался черезъ Европу въ Египетъ, гдѣ и сдѣлался настоятелемъ монастыря. Можетъ быть лѣтописецъ валаамскій слышалъ объ этомъ преданьѣ, можетъ быть извѣстіе о смерти Magnus'а въ волнахъ моря дошло до Валаама — и вотъ плодомъ этихъ двухъ преданій явилось сказаніе, что Magnus II не погибъ въ морѣ, а, какъ Триг-

// л. 113

васонъ, доплылъ до острова, но не Рюгена, а Валаама, и²²² принялъ схиму подобно тому²²³, какъ Тригвасонъ сдѣлался настоятелемъ... Можетъ быть эти два преданія слились въ одно, были записаны, а потомъ явилась и могила, благодаря невѣжеству монаховъ, не разобравшихся въ историческихъ данныхъ... Удивительно, какъ только могла уцѣлѣть могила Magnus'а, если бы даже она и была на самомъ дѣлѣ²²⁴, послѣ многихъ разореній, которымъ подвергался монастырь отъ шведовъ... Плита не изъ древнихъ, и стихи, сравнительно, недавняго происхожденія. Впрочемъ, можно сказать кое-что²²⁵ и о валаамскомъ честолюбіи... Для монаховъ очень лестно было-бы, если-бы²²⁶ король, врагъ православія и вдругъ надѣлъ на себя схиму... Отчего для такого случая и не придумать сказанье, отчего не выдумать и могилу?.. У насъ на лицо и то, и другое...

Въ противоположномъ углу кладбища нѣсколько памятниковъ надъ могилами благодѣтелей монастырскихъ. Гранитный гробъ надъ прахомъ какой то купеческой жены и на немъ надпись: «Благодарный мужъ изъ Дѣтми». А кругомъ — безчисленные бугорки, камешки, крестики и густая трава, а надъ этими бугорками протянулись широкія вѣтви липъ и кленовъ. Много могилъ совсѣмъ пропало, много крестовъ сгнило, надписей стерлось... Шестиаршинный гранитный крестъ поставленъ надъ всѣми за-

²¹⁷ *Далее было начато:* Утону

²¹⁸ *Далее было:* вмѣсто

²¹⁹ *другое вписано.*

²²⁰ *Вместо:* городокъ — было: городъ

²²¹ *Вместо:* откуда — было: отсюда

²²² *Далее было начато:* не сдѣ

²²³ *подобно тому вписано.*

²²⁴ *если бы даже она и была на самомъ дѣлѣ вписано.*

²²⁵ *кое-что вписано.*

²²⁶ *Вместо:* было-бы, если-бы — было: что

бытыми трудниками и монахами. На крестѣ надпись: «Со святыми упокой, Христе Боже, рабѣ твоихъ» и т. д.²²⁷

Все время, пока я былъ на этомъ, сыростью пропитанномъ, монастырскомъ кладбищѣ, меня давило что то, точно эти бугры и плиты старались навалиться на меня, притянуть къ себѣ въ сырость и мракъ могилы... Липы и клены не колышутъ листочкомъ, ни одной птички не видно... Только блѣдно-красный макъ печально склонился надъ безыменной²²⁸ могилой, роняя въ сырую траву капли еще не пропавшей росы.

Я вышелъ изъ воротъ кладбища и остановился у чугунной рѣшотки, которая вилась по краю высокой гранитной стѣны. Я увидалъ солнце, которое въ небѣ нестерпимо ярко горѣло и сверкало въ голубоватомъ проливѣ. Скалы угрюмыя теперь точно повеселѣли, и темный лѣсъ на нихъ теперь уже не такъ темень и дикъ... Я вижу, какъ черный монашекъ бредетъ по скалистому берегу съ берестяной корзинкой, вижу, какъ красная лодочка съ гребцами-монахами быстро плыветъ къ островку²²⁹ посреди пролива... А вправо — широкая Ладога, на этотъ разъ почти спокойная. Рѣдко-рѣдко закипитъ бѣлой пѣной синяя волна у подводныхъ камней Никольскаго острова. Скитъ на островкѣ точно вымеръ: не видно ни одной ряски... Прямо противъ него, точно другой стражъ безмолвія лѣсного

царства, торчитъ, отражая солнце на золотомъ крестѣ, серебряная колокольня скита Всѣхъ Святыхъ.

ГЛАВА VIII.

Я посмотрѣлъ внизъ, на проливъ. Подъ скалой раскинулся садъ монастырскій, а по скалѣ тянутся могучіе клены, подъ ногами близко-близко шелестятъ вершины. Нѣтъ земли подъ ногами, а какой то силой виситъ надъ этими волнующимися милліонами листьевъ.

Исторія монастырскаго сада говоритъ о неизсякаемой энергіи инока валаамскаго. Когда то здѣсь былъ каменистый берегъ, одинъ голый камень, луда, какъ говорятъ на Валаамѣ. А теперь правильными шпалерами разсажены коренастенькія, развѣсистыя яблоньки, груши, вишни²³⁰. Возлѣ нихъ — подпертые жердями ягодные кусты, а у самыхъ дорожекъ цвѣты. Прижавшись къ гранитной

²²⁷ *Далее было:* Все

²²⁸ *безыменной вписано.*

²²⁹ *Далее было начато:* пр

²³⁰ *Далее было:* на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ

стѣнѣ, поросшей кленами, вязами, рябинами и шиповникомъ, стоитъ деревянная бесѣдка, окутанная зеленью черемухи, сирени, акацій.

— «Садикомъ любопытствуете? — подошелъ къ оградѣ старичокъ-послушникъ въ остренькой, пожелтѣвшей скуфейкѣ. — Оно, дѣйствительно, удивительно. Камень былъ, а теперь поскольку яблока-то собираемъ... Налима, примѣрно, на весь годъ братіи хватаетъ...

// л. 116

Къ намъ подошли богомольцы. Они уже кончили братскую трапезу и теперь отправлялись наслаждаться дивами валаамскими.

— Что, братъ, Семень Ивановичъ, какова похлебка-то? по скусу? — спрашиваетъ Петръ Егорычъ своего товарища по профессіи.

Семень Ивановичъ, высоченный мужчина съ бакенами, похожими на щеки мопса, скорчилъ кислую мину и головой тряхнулъ.

— Постъ, братецъ мой, — ну и терпи... А вотъ въ Питеръ прикатимъ, за уху примемся...

— А знатокъ онъ касательно этой ушицы чудодѣйственникъ... — обратился Петръ Егоровичъ въ старичку-монаху.

— Развѣ въ ушицѣ есть цѣль спасенія? — серьёзно, не чувствуя искушенія, протянулъ печально монашекъ. — Мамонѣ потворство — душѣ гибель...

— А что мнѣ,²³¹ Петръ Егорычъ, Митька съ Невскаго сказывалъ... Возьми, говоритъ, налимчика порціоннаго съ печеночками, прихвати къ ему судачка да сижка, да живьемъ и вари... Такъ вотъ, братецъ ты мой, уха-то!.. Куда и похлебка валаамская... Говѣшь нонеча?

— Говѣю, братъ... Только со мной какая штука то вышла.

// л. 117

— А что?

— Да то же... Слыхалъ, чать, про грѣхъ то мой?

— Знаю, братъ, знаю. Съ кѣмъ такого грѣха не бываетъ —²³² всѣ мы люди, вся по землѣ ходимъ.

— Ну такъ вотъ. Прихожу я къ отцу духовному... Знаешь, старичокъ то надъ воротами живеть? Каждый годъ у его отпуксъ беру. — Тотъ первымъ дѣломъ сичасъ нащотъ грабежа. — Ты, говоритъ, лихачъ... А не грабилъ ты, гритъ, людей ночью? — Ну, въ чемъ другомъ, а в этомъ — чистъ. И пошелъ тутъ онъ меня по разнымъ заповѣдямъ... Дошло дѣло до седьмой. А не осквернилъ, спрашиваетъ, себя? Вѣрность то супружницкую соблюлъ еси? Да и пошелъ ходомъ, ходомъ...

— А-а... вотъ и меня на ей костилъ... Хорошій старичокъ... — сочувствовалъ Семень Ивановичъ.

Ну такъ въ самый потъ меня вшибъ... Я потомъ истекаю, а онъ все изъ Писанія. Учоный монахъ, знающій въ заповѣдяхъ то... Грѣшень, говорю... А онъ мнѣ тутъ

²³¹ *Далее было: Егоръ Іон*

²³² *Вместо тире были вопросительный знак и многоточие.*

мину то и подвель. — Недостойнъ ты, говоритъ, говѣть, постись, отмаливай грѣхъ свой.

— Ну??

— До пятницы отстрочилъ. — Приходи, говоритъ въ пятницу... Посмотрю я на тебя,

// л. 118

каковъ ты въ раскаяніи грѣшникъ будешь... А коли нѣсть въ тебѣ истинности, такъ не кажись лучше. Завтра и ѣсть ничего не моги... —

— Хорошій монахъ... Меня вотъ года два сряду до говѣнья не допуцалъ... Приду въ нему, а онъ поглядитъ только разстроитъ и назадъ. — Не могу, говоритъ... Хоша и имѣю власть, но не пущу — кайся. Ужь и каялся я! Въ Питеръ прїѣдешь — всякій поздравляетъ, — отговѣмшись то... а я только помалкиваю.

— Это еще ничего. А то вотъ бываетъ, что онъ и отъ церкви отлучаетъ. Это ужъ евтимвя называется... — наставительно сказалъ старичокъ монахъ.

— Вѣрно... — подхватилъ Семень Ивановичъ. Слыхалъ чай про Мишутку то Андрей Степаныча?

— Это про племянника то Калькина?..

— Онъ самый... Такъ вотъ его исповѣди отлучилъ отъ церкви на два мѣсяца... Грѣшень ты, говоритъ, — молись, плачь о грѣхахъ.» — Такъ равно запечатавъ его. Два дня по монастырю козломъ слонялся. Потомъ какъ подошелъ пароходъ — сичасъ на палубу... Сталъ на середку да и давай²³³ смотрѣть, какъ монахи богомольцевъ провожаютъ. Смотрѣлъ — смотрѣлъ да какъ ахнетъ... — Тьфу!! — кричитъ... Плюю

// л. 119

На всю вашу кампанію... Что мнѣ монахъ — чорная шапка? Самъ я себѣ монахъ... — Усмирять было его вздумали, да виду грознаго испугались. — На смерть пришибу, кричитъ, и нѣтъ грѣха на мнѣ, потому отлучень. — На пароходъ онъ что раздѣлывалъ — страсть... Мертвую пиль. — Все едино, говоритъ, нѣсть мнѣ спасенія... Да въ Шмошинѣ въ Неву и хлопнулся.

— Ну и что же?

— Вытащили. А потомъ остепенился и въ церковь пошелъ.

— У насъ только и есть ревнителі... — съ гордостью сказалъ монахъ. — А у васъ,²³⁴ какой хошь грѣхъ спустятъ. А у насъ, братъ, не такъ.

— Да — внушительно сказалъ Петръ Егорычъ — у нихъ не такъ. Словомъ то своимъ во какъ пройметъ! въ слезу вгонитъ. Стоишь ты передъ имъ и таешь, ровно воскъ, и легко на душѣ эдакъ, и чувствуешь ты, какъ грѣхи то съ тебѣ ползутъ... Ну, думаешь, избавился... А онъ посмотритъ эдакъ ласково да таково мягко.

²³³ *Вместо: давай — было: сталъ*

²³⁴ *Далее было: въ Питерѣ*

Недостойнъ ты, кайся еще дня три, а въ послѣдній не вкушай. Вотъ завтра день цѣльный ѣсть же буду. Да и то не навѣрняка сказалъ то...

— Приходи, говорить, посмотрю я на тебя да подумаю, може прощу, а може и

// л. 120

отлучу еще. — Вотъ какой крѣпкій старичокъ — замѣчательный... А поѣдутъ по скитамъ то? — спросилъ онъ у монаха.

— Поѣдутъ. Вишь пароходикъ дымить — пары развели... Куда ѣздили-то?

— Къ «Коневской» ѣздили, ко «Всѣмъ Святымъ». А теперь куда повезутъ?

— О. казначей говорилъ, чтобы, значить, къ Александру Свирскому... Бывали?

— Какъ же... Мы всѣ скиты объѣздили. Мы годовъ пятнадцать на Валаамъ ѣздимъ и всегда по скитамъ... Когда же на лодкахъ ходили²³⁵... А теперь у васъ пароходъ завели, деньги стали брать, по билетамъ... Все больно денегъ надоть.

— А какъ намъ не брать? Чего-нибудь да стоять на пароходикѣ то парь развести. Ну и беремъ во славу Божию. Теперь для богомольца всякое удовольствіе предоставляемъ. Вотъ стихъ для богомольца монахи чувствительный поютъ — монашекъ нашъ сочинилъ. Очень хорошій стихъ...

— Д-да-сь... — протянулъ Семень Ивановичъ. — Въ стихѣ то Валаамъ какъ²³⁶ похваленъ!.. «Обитель избранныхъ людей» — про него сказано... И вѣрно, Петръ Егорычъ: именно обитель избранная... Что у насъ въ Питерѣ, что? шерамыга на шерамыгѣ... а у нихъ всякій клинъ къ дѣлу пристроенъ...

// л. 121

Особливо съ игумена Дамаскина — истинно «избранные».

— То то и есть, что у нихъ все по-Божьи... Богъ благословилъ — ну и орудуютъ. Вотъ у насъ теперича котлы взять: осматриваютъ сколько разовъ, а все рветъ ихъ... А вотъ у нихъ въ три года разъ, а на пароходикѣ и того меньше, — а ничего. Сколько лѣтъ по скитамъ катаемся и благополучно, потому предохраненіе, персть невидимый...

— Это вы про котлы-то? — смиренно вмѣшался старый монахъ. — Да ежели и худой будетъ — не разорветъ... Предѣлъ такой. У насъ чтобы потопнуть — невозможно... Рази не чудо? Носить-носить разъ иной въ бурю пароходъ по волнамъ — глядь и добрелъ. Хоть на дно сядетъ, а не потопнетъ... хоть водой захлестнетъ, а угоднички наши изъ воды изымутъ. Ни однава раза потопленія не было... Вотъ оно что означаетъ благословеніе...

— А запрошлый годъ послушничекъ утопъ у мостковъ то... противъ скита... — сказалъ Петръ Егорычъ.

Старичокъ монахъ подумалъ, поглядѣлъ за проливъ въ то мѣсто, гдѣ тянулись два ветхіе мостика съ берега на островокъ посреди пролива.

²³⁵ *Вместо: ходили — было: ѣздили*

²³⁶ *какъ вписано.*

- Вѣрно... былъ случай. Только это въ наказанье ниспослано.
- Какъ въ наказанье?
- А такъ... У насъ купаться нельзя — баловство... да и оскверненіе. Святая у насъ вода въ проливѣ, потому что острова святые. Вотъ и захотѣли два послушничка искупаться... Ну и погрузило ихъ...
- Почему же *погрузило*? — спросилъ я. — Сами потонули...
- Какъ сами?! — вскинулся на меня старичокъ. — Говорятъ — погрузило... сила невидимая — за устава нарушенье...
- Ну и что же?
- Одного вынули, а другой пропаль, невѣдомо куда исчезъ... Уставъ бо нарушить — грѣхъ грѣховъ есть... соблазнъ для братіи.
- А хорошъ садикъ... — сказалъ Петръ Егорычъ. — Весной чай знатно, когда деревья зацвѣтутъ...
- Двадцать лѣтъ трудился надъ имъ монахъ Гавріиль, землю таскалъ на луду плѣшивую... Деревца своими руками сажалъ... А вонъ поправѣй, у моста черезъ оврагъ — другой садъ.... Тамъ у насъ разная лѣчебная трава растетъ. Тамъ на каждой яблонѣ можетъ десятка по два сортовъ родится трудами о. Никанора премудраго... Награды имѣемъ за яблоки, миндали золотыя... Въ іюнѣ²³⁷ льдинки по озеру ходятъ, а у насъ въ

садахъ восточная трава родится.

- Какая это такая?
- Какая???.
- Старикъ перевелъ духъ и торжественно посмотрѣлъ на всѣхъ насъ.
- Иссопь!!!.. во какая! — съ апломбомъ отхватилъ монахъ.
- Ну?? — не сказали, а подкрикнули слушатели.
- Да какъ же не восточная? Давидъ то гдѣ небось жилъ? на востокъ?!.. Ну, а псаломъ то какъ читается, а? — подступилъ ко мнѣ старичокъ. — О-кро-пи-ша мя ис-со-помъ и... очишуся... ис-со-помъ... — повторилъ внушительно старичокъ.
- А вѣдь вѣрно! расписалъ то какъ по Писанію отхватилъ... ай да... Какъ ваше имя праведное?.. — спросилъ Петръ Егорычъ.
- О. Ампидоръ.
- Ай-да о. Ампидоръ! молодчина! — похвалили Петръ Егорычъ и Семень Иванычъ старичка и направились къ пристани, гдѣ пароходикъ «Св. Николай» собирался съ силами и пускалъ черный дымъ изъ короткой трубы.
- Старичокъ, поразившій всѣхъ своей восточной травой, произрастающей въ садахъ валаамскихъ, чинно раскланялся со мной

²³⁷ Далее было: у насъ

и, сказавъ коротко: «любопытствуйте», направился къ монастырю. **Маргиналия**

Я одинъ остался у чугунной рѣшотки и смотрѣлъ внизъ, отыскивая одиноко висѣвшія красноватыя точки яблокъ. Вижу я, какъ въ саду по дорожкѣ медленно прохаживается монахъ, нагибается, поправляя кусты, подхватываетъ мочалой кое-гдѣ свѣсившіяся вѣтви. Я смотрѣлъ на проливъ, чудную голубую полосу спокойной воды, точно погруженной въ дрему горячимъ солнцемъ. Я глядѣлъ на дремлющій лѣсъ на высокомъ берегу пролива, на удаляющуюся фигуру монаха съ берестяной корзиной, я любовался, какъ въ небѣ далеко стлкаливались пушистые облака. Съ вершины скалы вижу я, какъ къ пристани сходятся богомольцы, чтобы ѣхать въ скиты. Мальчишки-монашонки въ длинныхъ рясахъ и остренькихъ шлычкахъ, перетянутые кожаными поясами, чинно расхаживаютъ возлѣ пароходика, присаживаются на бортѣ пристани и ведутъ себя солидно, какъ настоящіе монахи. Молодость замерла въ нихъ, жизнь запряталась подъ черную ряску, улыбка исчезла съ блѣдныхъ лицъ, и печаль, такъ несвойственная ихъ молодымъ годамъ, начинала подолгу настаиваться на ихъ красивыхъ личикахъ.

// л. 125

Мнѣ явственно припоминается красивый, какъ дѣвочка, мальчикъ-монашекъ, продававшій просфоры въ притворѣ собора. Пышные волосы, цвѣтомъ напоминающіе волоса дорогихъ куколъ, касались его все еще розовыхъ щѣкъ: должно быть недавно въ монастырь привезли его. Глаза голубые, какъ воды заливовъ на сеѣверѣ Ладоги, гдѣ онъ недавно такъ беззаботно игралъ, кидая камни въ воду или, болтая босыми ногами²³⁸, сидѣлъ подъ лучами солнца на острыхъ верхушкахъ подводныхъ камней. Но въ этихъ голубыхъ глазахъ уже трудно уловить тѣнь прежнихъ веселыхъ взглядовъ, беззаботной улыбки... Сосредоточенно смотрятъ они, и этотъ мальчикъ, недавній сынъ природы, входя въ вашу келью, съ видомъ смиреннаго «брата» старческимъ голосомъ тянетъ: —²³⁹ Молитвами св. отецъ, Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ...

— Гм... гм... — слышалось вправо отъ меня.

Я обернулся. Возлѣ чугунной рѣшотки, опершись на нее сжатыми кулаками и повернувъ сѣдую голову въ сторону Никольскаго скита; гдѣ Ладога играла своими волнами, стояла полная, коренастая фигура въ рясѣ.

// л. 126

Сперва мнѣ показалось, что это монахъ, но потомъ я разглядѣлъ на его головѣ касторовую священническую шляпу. Его высокая фигура подергивалась нервной дрожью, *сжатые* кулаки нервно ударяли по чугунной рѣшоткѣ. Вся его фигура выражала одно — нетерпѣнье горячее, страстное. Точно онъ ждалъ чего-то изъ-за

²³⁸ Далее было: въ водѣ

²³⁹ Далее было: Господи б

моря, оттуда, куда смотрѣль, точно крикнуть хотѣль: «Да скорѣй же, скорѣй, Бога ради!» —

Я не видалъ выраженья его лица: оно закрыто было упавшей на плечо прядью сѣдыхъ волосъ.

— Парохода ждете? — спросилъ я.

Онъ быстро повернулся ко мнѣ и окинулъ меня взглядомъ тусклыхъ, слегка воспаленныхъ глазъ, но посмотрѣль не прямо, а только скользнулъ взглядомъ и, опустивъ голову внизъ за рѣшотку, сталъ внимательно всматриваться въ садъ. Онъ смотрѣль внизъ, въ садъ и нервно ударялъ носкомъ сапога въ гранитный столбъ рѣшотки.

Я опять сталъ смотрѣть въ сторону озера. Вдругъ странный человѣкъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

— Пароходъ! — хрипло сказалъ онъ. — Слышите — свистить?.. и онъ сталъ напряженно слушать и опять забарабанилъ кулаками по чугунной рѣшоткѣ.

— Вы изъ богомольцевъ? — спросилъ я его. Странный человѣкъ обернулся и на этотъ

// л. 127

разъ пристально сталъ меня разглядывать. Потомъ глубоко вздохнулъ.

— Присланъ сюда... за пьянство... священникъ я... —

Онъ дѣлалъ большія усилія, чтобы не задохнуться отъ слезъ, которыя душили его.

— За пьянство... Цѣлыхъ три года...

Говоря эти слова, онъ держался обѣими руками за рѣшотку и раскачивался, какъ. обыкновенно дѣлаютъ дѣти, признаваясь въ своихъ шалостяхъ.

Потомъ онъ посмотрѣль на меня и жалобно улыбнулся. На глазахъ старца слезы показались и красныя пятна обозначились²⁴⁰ на блѣдномъ лицѣ, заросшемъ сѣдой щетиной. Онъ опять сталъ смотрѣть въ озеро, вытянувшись всѣмъ корпусомъ. Потомъ махнулъ рукой безнадежно.

— Вы знаете, г. студентъ, тамъ вѣдь семья у меня... жена, дѣтей шестеро... Самъ я въ Олонецкой губерніи священствовалъ на селѣ...

— Какъ же они существуютъ?

— А Богъ ихъ знаетъ... Слышно, живутъ... живы... Жена посфоры на селѣ печеть — на копейку... Дочка — учительница... Сыновья въ семинаріи, малыши есть... Зовутъ меня къ себѣ... Я вѣдь выжилъ срокъ-то... — шепотомъ сообщилъ мнѣ онъ.

// л. 128

— Такъ что же вы не ѣдете?

— Ахъ вы, милый человѣкъ... Вы говорите, что же я не ѣду... Распоряженія нѣтъ, потому что приходъ мой занятъ, а новаго нѣтъ... Да и зачѣмъ я поѣду —

²⁴⁰ *Вместо:* обозначились — *было:* показались

хлѣбъ отбирать у сиротъ? Вотъ и сижу я теперь, какъ ракъ въ норѣ, клещи подъ себя подложивши... Вотъ сижу у моря да жду, когда вонь изъ-за островка дымокъ взовьется, пароходъ прибѣжить... письма о приходѣ жду...

— Да вы бы похлопотали...

— Хлопоталь, только вѣрнаго нѣтъ ничего... Обѣщали... А тяжело мнѣ было... Вѣдь живую душу во мнѣ заперли... Вы — студентъ, вы вѣдь чувствуете, что такое означаетъ живая душа... Вотъ ея то во мнѣ и нѣтъ теперь...

Въ это время тихой походкой подошелъ, точно на колесикахъ подкатилъ, монашенокъ въ длинной ряскѣ и бухнулся въ ноги священнику.

— Благословите, о. Николай!

О. Николай истово благословилъ его и далъ поцѣловать свою волосатую руку.

— Что, малышъ, не скучаешь? — потрепалъ онъ монашонка по щекѣ. — И поблѣднѣлъ же ты брать... А какой румяный былъ, какъ отецъ въ монастырь привелъ...

— Въ бабки бы ему играть, а онъ въ ряску лѣзетъ... — обратился ко мнѣ о. Николай.

// л. 129

— ...Въ бабки-то игрываль, небось? хочется, чай, поиграть, съ мальчишками подраться? а, сердяга?

— Н-нѣ-ѣтъ... — печально протянулъ монашенокъ. — Грѣха много.

— Ишь... ишь... грѣха много!! Ахъ ты... прокурать!.. Да знаешь ли ты еще грѣхъ то?.. совершалъ ли ты беззаконія?.. Грѣхъ!!!.. Грѣхъ, братецъ ты мой... да... грѣхъ...

Изъ-за скалистаго мыска у конца пролива бѣлая труба парохода показалась и надъ ней длинной полосой густые клубы дыма.

О. Николай сразу оборвалъ, порывисто отдернулъ волосатую руку отъ бѣлокурой головки мальчика-монашонка, поблѣднѣлъ отъ волненія и, опершись локтями на чугунную рѣшотку, уставился въ бѣлый, все ближе и ближе подходившій пароходъ.

Видно, какъ за пароходомъ тянется длинный слѣдъ заволновавшейся воды, точно хвостъ исполинскій. На островкѣ Никольскомъ двѣ черныя фигуры показались. Выползли, должно быть, отшельники-скитяне изъ своихъ темныхъ келій глянуть на вѣстника далекаго міра, который они все еще не могутъ забыть, выползли, проводили холодными взглядами пароходъ, черную толпу чужихъ имъ людей на палубѣ и побрели назадъ читать неумолчно псалтырь, въ пропитанную ладаномъ атмосферу церкви, за укапанный воскомъ анолой...

// л. 130

— «Господь на небеси уготовалъ Престоль Свой, и царство Его всѣми обладаетъ»... — можетъ быть сейчасъ будутъ читать они эти наизусть выученныя слова, а бѣдный контуръ парохода все еще будетъ рисоваться въ ихъ бѣдномъ

представленіями воображеніи, фігуры людей незнакомыхъ будутъ мелькать, пока не пропадутъ, задернутыя однообразіемъ монастырской жизни.

А пароходъ ближе подходилъ. Тонкая струя бѣлаго пара пронизала воздухъ, и долгій свистокъ прокатился по обставленному скалами тихому проливу. Мимо островка бѣжить пароходъ, мимо соймы, одиноко стоящей на немъ, пробитой подводными камнями въ одну изъ непогодъ грознаго озера...

Монастырская телѣжка съ грохотомъ спускается отъ монастыря къ пристани. Полный монахъ съ книгой подъ мышкой, важной поступью сходить по гранитной лѣстницѣ. Бѣгутъ богомольцы по горѣ. Къ чугунной рѣшоткѣ подходятъ свободные въ этотъ часъ монахи-пѣвчіе. Всѣ смотрятъ на проливъ. Монастырь ждетъ новыхъ гостей...

Только что пароходъ миновалъ островокъ, о. Николай быстро-быстро побѣжалъ съ горы къ пристани. Я видѣлъ его взволнованное лицо, печальные глаза и, какъ мнѣ показалось, огонекъ надежды въ нихъ.

// л. 131

Онъ сильно размахивалъ руками на ходу, часто поправлялъ свою касторовую шляпу.

Блѣдный монашонокъ печально смотрѣлъ на подбѣгавшій пароходъ.

— Ишь, о. Николай какъ побѣжалъ то! все извѣстія ждетъ... — говорили монахи. — Рвется на волю, хотъ и попривыкъ къ намъ!..

— А все отчего? — зашамкалъ надъ моимъ ухомъ старичокъ монахъ съ кирпичнымъ лицомъ, точно изъ стараго дуба выточеннымъ. — Оттого, что сладости монашества не позналъ, духъ въ себѣ суемудрія питаетъ, въ отсѣченіи воли своя не приобыкъ... Да-а... а ему бы...

Я поспѣшилъ поскорѣе уйти отъ этого старца. Могилой пахло отъ него, отъ его словъ, отъ звука его глухого голоса.

ГЛАВА IX.

— Скажите, пожалуйста, подчиняетесь вы какимъ-нибудь полицейскимъ правиламъ? — спросилъ я монаха-привратника, недвижно сидѣвшаго въ каменной аркѣ возлѣ святыхъ воротъ.

Старичокъ, видимо, дремалъ или созерцалъ «вся внутренняя своя», только онъ на мой вопросъ едва-едва полуоткрылъ одинъ глазъ и протянулъ:

// л. 132

— А... что?... какая полиція?...

Я повторилъ вопросъ.

— Вотъ идѣ у насъ полиція! — сердито забормоталъ старикъ и ткнулъ себя кулакомъ въ грудь. — Мы совѣсти еще не забыли! Совѣсть — вотъ вся тутъ и есть полиція наша! — и опять закрылъ глазъ и сталъ созерцать.

— Что такое полиція? Мы и безъ её проживемъ... Видали, въ гостинницѣ то на стѣнѣ бумага подѣ стекломъ виситъ — уставъ старца Назарія, — вотъ наша полиція... А по вашему козырьки да пуговицы полицію составляютъ?

— А слыхаль я, что тутъ у васъ одно дѣло было — слѣдователь и докторъ прїѣзжали, могилу раскапывали...

Старичокъ открылъ оба глаза и пристально на меня взглянулъ.

— Ну, что? ну, что?.. — строго зашамкаль онъ, — ну, были... а вамъ что?.. были и все тутъ.

Надо замѣтить, что монахи валаамскіе — люди особеннаго душевнаго склада: они скрытны, неразговорчивы, особенно если начнешь спрашивать объ интимной жизни монастыря... Мнѣ, на примѣръ, очень многихъ усилій стоило собрать свѣдѣнія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, какимъ подвергаются на Валаамѣ провинившіеся изъ братіи. Такъ и теперь — старикъ монахъ даже враждебно взглянулъ на меня и ушелъ въ свою раковину.

// л. 133

— Были... были!.. Охъ Господи, спаси меня грѣшнаго.. — прошепталъ съ глубокимъ вздохомъ привратникъ и закрылъ глаза.

Нѣсколько времени спустя, попавшійся мнѣ разговорчивый монахъ разсказаль слѣдующее.

— Приходятъ къ намъ зимой финны съ берега, ну и пруть они къ островамъ-то по льду... Такъ вотъ одинъ старичокъ и плелся къ намъ, да должно погодъ снѣжная была — онъ и спутался... Попалъ старичонокъ на не Валаамъ, а островокъ у насъ рыбачій есть верстахъ въ 12 — «Сосновець», — онъ на него и попади... Изба тамъ у насъ для рыбаковъ, когда по осень наѣзжаютъ... Пришелъ въ избу старичонокъ, видитъ — ни души, одни полѣнья лежатъ. Ну, холодно было: взялъ и истопилъ старичонокъ печь да и завалился спать... ну, и угорѣлъ, заснувши... Черезъ недѣлю поѣхали на островокъ монахи, нашли старичка и игумену возвѣстили. Тотъ и благословилъ въ монастырь перевезти и похоронить... Ну и похоронили, кого — неизвѣстно, потому виду у него пачпортнаго вовсе не было. Только и прослышали на берегу, должно по доносу, — бляха у насъ на острову чухонская живетъ, среди финновъ порядокъ держать, — что похоронили человѣка... Тутъ и пошло... то да сѣ, письма да бумаги, вызовы да канитель...

// л. 134

Прикатилъ къ насъ сонмъ цѣлый: слѣдователь, значить, изъ полиціи генераль тамъ что-ли, дохтуръ — и все не наши, а финны... Извѣстно, мы подѣ ихъ началомъ состоимъ...

— Открыть его! — говорятъ... Мы сперва было въ сумлѣніе... Какъ это, говоримъ, открыть? — Писаніе не позволяетъ... Какъ ни какъ, но сонмъ ихній возобладаль. У насъ, говорятъ, свое писаніе... Извѣстно — еретики... Ну, отрыли, рѣзали его. — «Отъ удара помѣръ» — рѣшили и опять закопать велѣли. А это,

значить, вдарило ему на печи угаромъ — ну и помёръ... Только вѣдь мы не испужались сонма то ихняго — мы по-Божьи живемъ... Только безпокойство... Къ намъ ежели генераль прїѣдетъ настоящій, русскій, такъ мы ради еще... Генералы-то они — генералы, а вѣдь все же человекѣки... Такъ бываетъ, что и наставляемъ ихъ, взирая проникновенно въ сердца ихъ...

— Т. е., какъ же это такъ?

— Да неужто не слышали?? А о. Серафимъ Саровскій... въ книжкахъ про него прописано...

— Нѣтъ, не слыхаль.

— Какъ же... очень даже хорошо-съ.... Прїѣхаль къ нему генераль, видите ли, ну и того... во всякихъ отличіяхъ и орденахъ высокихъ. Все это у него орденами накрыто, — и туть, и здѣсь, и на шляпѣ, значитъ, знакъ есть.

// л. 135

Полный самый настоящій генераль — въ родѣ командира... Ну, и сосбѣседованіе у нихъ было съ о. Серафимомъ... Только и упади у генерала орденъ то на полъ, а генераль этого не видали... Надобно, значитъ, генералу уходить, а о. Серафимъ подняль орденъ да и говоритъ такого проникновенно: — Сей, говоритъ, орденъ, вами неправильно полученъ! Надо бы его, говоритъ, такому то, а онъ вамъ попалъ, потому что вы начальникомъ были и на себя поворотили. — Вотъ какъ генерала-то отхватилъ! Ну, генераль сичасъ въ слезы — раскаянье его захватило... и ну рыдать горько, слезно... Насилу его о. Серафимъ изъ кельи вывелъ. Въ самое чувство вогналь. Вы почитайте, — въ книжкѣ про это записано.

— А скажите, пожалуйста, — спросилъ я, — вотъ въ книгахъ вашихъ о многихъ видѣніяхъ говорится... Ну, а теперъ-то бываютъ у васъ видѣнія?

Монахъ подумаль.

— Богъ знаетъ. У насъ объ этомъ не говорятъ... Всякій самъ по себѣ знаетъ да отцы духовные. Можетъ и бываютъ.

— А чудеса?

— Чудеса?.. Чудеса бываютъ. Оно, конечно, — не совсѣмъ чудеса... а всетаки удивительно.

— А что?

— Да, видимо, надъ нами Божіе благословеніе...

// л. 136

Сергій и Германъ чудесно свой вертоградъ устрояютъ. Дѣлали мы, теперича, рѣшотку вотъ позади собора у алтаря... Ну, не мы, а мастеръ одинъ... по объѣту — слесарь изъ Питера. Половину сработаль и домой проситься сталъ. О. игумень и говоритъ: — Останься, братъ Степанъ, самъ видишь, — дѣла не кончилъ. — Не могу, говоритъ, о. игумень, жена дома съ дѣтьми скучаютъ... — Ну и уѣхаль. А на ту пору не было у насъ мастера, чтобы рѣшотку доработать. Только, этта, онъ уѣхаль, приходитъ къ намъ богомолецъ. — Кто ты такой? — Слесарь. — Повель

туть его о. игумень къ рѣшоткѣ. — А можешь, спрашиваетъ, эту рѣшотку дѣлать? — Да сколько угодно, — говоритъ. — Это мы живымъ манеромъ Бога ради состроимъ. — И вѣдь состроилъ!! Это ли не чудо, а? въ тотъ же день пришелъ... Удивительно?

— Положимъ...

— Нечего класть — прямо удивительно. Тоже вотъ съ живописью... О. Алипій уходилъ отъ насъ — художникъ нашъ первостатейный... Въ Академія обучался... Только, значить, смиренія не вмѣстилъ. Хотѣлъ о. игумень Іонафанъ — покойникъ смиреніе его испытать, ну и обозвалъ его... — Лѣнтяй молъ ты или въ этомъ родѣ... Ну, тотъ и не вмѣстилъ...

— Какъ, молъ? лѣнтяй я? — и ушелъ отъ насъ.

// л. 137

Года два не былъ, а потомъ воротился. Только, этга, ушелъ, вдругъ въ монахи къ намъ — знатокъ по живописной части, о. Лука... Это ли не чудо? И всегда такъ, знаете... Сколько разъ наблюдали... Еще, теперича, про лошадиную силу скажемъ... Ужъ сила самая сильнѣющая, можно сказать, а мы её превзошли!..

— Какъ же это такъ?

— Говорю — чудо совершилось... Видали колонны у собора гранитныя, у крыльца-то?..

— Ну, видалъ.

— Такъ вотъ-съ... Въ ихъ то поболѣй восьмисотъ пудовъ есь... Привезли ихъ съ Сергѣевского острова — тамъ у насъ гранить вырубаютъ — и свалили подъ горой. Ну, а на гору то лошадьми надоть. Зимой²⁴¹ было дѣло... Сдѣлали сани, положили на нихъ столбы. Тридцать лошадей впрягли — н-нѣтъ... шалишь... Тпрукали-нукали — отходи ни почемъ... Ладу нѣтъ... Одна возьметъ, друга, а въ разъ то, дружно не схватятъ... Измучились мы. О. игумень²⁴² и возвѣстилъ: — Благословляю, братія... опосля трапезы повеземъ на себѣ. — Потрапезовали, молебень отпѣли да всѣ то — и схимонахи, и іеромонахи, и мы, трудники, какъ, значить, съ дубинушкой ухнемъ, — по-расейски, да духомъ, духомъ, то-ись, въ гору то и вволокли... Это ли не чудо?.. Дивень Господь въ чудесѣхъ Его, дивень зѣло!..

// л. 138

Дѣйствительно, случай съ слесаремъ, который явился кстати и замѣнилъ ушедшаго, и случай съ отшествіемъ о. Алипія возводится монахами на степень чудеснаго промысла. Вообще, во многомъ самомъ обыденномъ монахи стараются подмѣтить что-нибудь особенное, и если что-нибудь особенное оказывается, они не замедлятъ отыскать какія то незримыя нити, не замедлятъ придать обыденности, случайности обстановку чудодѣйственности.

²⁴¹ Далее было: дождали

²⁴² Далее было начато: Д

— Господи Боже нашъ, молитвами св. отецъ помилуй насъ...

Хлопанье ногой въ дверь.

— Аминь.

Братъ Василиій вноситъ обѣдъ.

— Вы бы въ общую пошли — посмотрѣли... Я ужъ на одну персону только и принесъ. О. Антипа говоритъ: «чтобъ ему, вамъ, то-ись, въ общую не сходить»... Тамъ у насъ чинно все.

— Что-жъ... съ удовольствіемъ.

— Только вы поскорѣй... Братія ужъ теперь за столами сидятъ.

Я поспѣшно пошелъ въ трапезную, во внутреннемъ четырехугольникъ монастырскихъ строеній, противъ собора. Низенькая со сводами палата. Кой-гдѣ изображенія святыхъ иноковъ въ одеждахъ схимонаховъ съ крестами и черепами. Эти изображенія — точно рѣдкія черныя

// л. 139

пятна на голыхъ стѣнахъ. За столами братія въ черныхъ рясахъ. Чинно, безмолвно сидятъ монахи, какъ институтки, въ ожиданіи, когда подадутъ кушанье. На столахъ оловянные чаши съ квасомъ, груды хлѣба. Я было присѣлъ на лавку къ одному изъ столовъ, но сѣдой монахъ молча указалъ мнѣ пальцемъ впередъ, въ другое отдѣленіе трапезной. Оказалось, что мѣсто было занято. Я пошелъ дальше, мимо черныхъ рядовъ молчаливыхъ монаховъ. Передъ иконостасомъ (въ трапезной — церковь) блѣдный монахъ, перебирая четки, усердно кладетъ земные поклоны. Глаза закрыты, руки едва-едва вздрагиваютъ...

А тутъ же за столами монахи уже дязгаютъ ложками по оловяннымъ и глинянымъ мискамъ. И мнѣ показалось страннымъ, почему же этотъ монахъ не сидитъ за столомъ, а истово, размѣренно кладетъ земные поклоны.

Я прошелъ во вторую палату, все съ тѣми же схимонахами и иноками на голыхъ стѣнахъ и рядами монаховъ, перемѣшанныхъ съ богомольцами. Все занято, — только въ самомъ концѣ столовъ, вижу, есть свободныя мѣста. Сажусь... Противъ меня два купца почтеннаго вида сосредоточенно, точно на счетахъ считаютъ, размѣренными жеста-

// л. 140

ми хлебаютъ квась. Рядомъ со мной тощій, длинный монахъ. До насъ доносятся отрывочные возгласы очереднаго чтеца, протяжно и звучно читающаго поученія св. отецъ. Въ этомъ поученіи шла рѣчь²⁴³ о богатомъ человѣкѣ и его обязанностяхъ къ бѣднымъ.

Вправо отъ меня, наискось, — два старичка въ крестьянскихъ потертыхъ сермягахъ, сѣденькіе, пришедшіе на Валаамъ изъ Олонецкой губерніи. Они

²⁴³ *Вместо:* шла рѣчь — *было:* рѣчь шла

вздыхали и покачивали головами всякій разъ, какъ звучный голосъ монаха разносилъ подъ суровыми сводами трапезной.

— «Богатый въ питіяхъ и яствахъ пребываетъ, а о бѣдныхъ и о душѣ забываетъ» — звучить въ палатѣ.

И я отлично понимаю, что происходитъ въ душахъ этихъ двухъ старичковъ — олончанъ, состарившихся подъ неблагодарнымъ трудомъ. Они отлично знаютъ, что богатые о бѣдныхъ не помышляютъ, знаютъ эту истину около семидесяти лѣтъ и вздыхаютъ...

А рядомъ съ ними сидятъ два новгородскіе купца, повидимому, богатѣи и напряженно выхлебываютъ изъ чашки квасъ съ капустой, пропуская мимо ушей слова монаха.

Два старичка — олончане явственно врѣзались мнѣ въ памяти... Они сидѣли смиренно, почти неподвижно, точно боялись, что вотъ-вотъ скажетъ имъ кто-нибудь: — «а ступайте-ка

// л. 141

отсюда... не для васъ тутъ мѣсто». Они не поднимали глазъ отъ чашекъ съ ѣдой и то-и-дѣло вздыхали.

— Ъшьте, братцы, на здоровье! — тихо сказалъ имъ тощій монахъ, сидѣвшій возлѣ меня, и подлилъ старичкамъ густой перловой похлебки съ картофелемъ.

— Не часто, небось, приходится такъ-то обѣдать! — тоже тихо сказалъ сидѣвшій передо мной новгородскій купецъ своему товарищу.

— Бѣдный народъ — эти олончане да корелы! — вздохнулъ другой купецъ въ синихъ очкахъ, пропуская мимо ушей слова сладкогласнаго монаха о богатомъ.

На столъ ставилась большая оловянная чаша съ варевомъ на четверыхъ, и каждый наливалъ изъ нея оловянной же ложкой себѣ въ глиняную миску.

Сперва ѣли мы квасъ съ капустой, потомъ вареный тертый картофель съ солеными грибами, масломъ и лукомъ. Потомъ подали густую похлебку изъ перловой крупы и картофеля съ грибами, потомъ щи, засыпанные гречневой крупой, потомъ каша съ масломъ и безъ масла для говѣющихъ. Послѣ этого на десертъ подана была красная смородина изъ Валаамскихъ садовъ по $\frac{1}{4}$ ст. на человѣка. Говорятъ, что въ этотъ день

// л. 142